

Национальный бестселлер Британии

Скрытые

В

Темноте

Кара
Хантер

Национальный бестселлер Британии

Кара Хантер

Скрытые в темноте

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Хантер К.

Скрытые в темноте / К. Хантер — «Эксмо»,
2018 — (Национальный бестселлер Британии)

ISBN 978-5-04-099818-0

БЕСТСЕЛЛЕР #1 Бритвенная острота сюжета и совершенно непредсказуемая концовка – вот что особо отличает творчество Кары Хантер. Живя и работая в Оксфорде, она обладает ученой степенью в области английской литературы. И знает, как писать романы. Неудивительно, что ее дебют в жанре психологического триллера сразу же стал национальным бестселлером Британии, вызвав восторженные отзывы знаменитых собратьев Кары по перу. Женщина и ребенок были найдены запертыми в подвале жилого дома на тихой оксфордской улице. Еле живыми. Неизвестно, кто они, – женщина, будучи в шоке, не идет на контакт, а в полицейских списках, пропавших нет никого, кто походил бы на нее по описанию. Старик, владелец дома, клянется, что никогда раньше не видел этих несчастных. И никто из его уважаемых соседей – тоже... «Этот роман напоминает шедевры Хичкока в его лучшие годы». Daily Mail «Головокружительное, захватывающее чтение». Йан Рэнкин

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-099818-0

© Хантер К., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	56
-----------------------------------	----

Кара Хантер

Скрытые в темноте

Cara Hunter

In the Dark

Copyright © Cara Hunter, 2018

© Перевод на русский язык, М. Стрепетова, 2018

* * *

Кара Хантер – литературный псевдоним английской писательницы Линн Шеппард, широко известной в мире своими историческими романами-детektивами. Имея оксфордскую докторскую степень в области литературы, а также различные призы и премии, она попробовала себя в жанре психологического триллера. И сразу добилаcь громкого успеха. Ее дебютный остросюжетный роман стал национальным бестселлером.

Редкий талант...

Daily Mail

Головокружительное, захватывающее чтение.

Йан Рэнкин

Один из лучших триллеров, которые я когда-либо читала.

Кэтрин Крофт

Кара Хантер – мастер сюжета, но совершенно выдающимися ее романы делают потрясающе прописанные персонажи.

Рейчел Эбботт

Я проглотила эту книгу за один присест.

Эмма Кавана

«Берку и Хиту»

в память о счастливых днях

ПРОЛОГ

Она открывает глаза – темно, как будто на них повязка. Затхлым и сырым воздухом давно никто не дышал.

Просыпаются и другие ощущения. Она чувствует тишину и холод. К запаху плесени примешивается какое-то животное зловоние. Пальцы нащупывают мокрый гравий под тканью джинсов. Теперь она начинает вспоминать, как попала сюда и что случилось.

Как можно было так сглупить?

Сдерживая панику, она пытается привстать, но ничего не выходит. Глубокий вдох – и она кричит, ее вопли эхом отражаются от стен. Кричит и кричит, пока не срывается голос.

Никто не услышит, никто не придет на помощь.

Она снова закрывает глаза, по лицу от злости текут горячие слезы. Неподвижное тело переполняет гнев, а вскоре она в ужасе понимает, что ее кожи коснулись чьи-то острые маленькие лапки...

* * *

Кажется, кто-то писал, что апрель – жесточайший месяц¹. Не знаю, кто именно, но этот человек точно не был детективом. Я-то знаю, что жестокость может произойти в любое время года – насмотрелся, – просто холод и мрак немного притупляют восприятие, а вот солнце, голубое небо и пение птиц создают контраст. Смерть и надежда.

Эта история начинается с надежды. Начинается она первого мая, в первый день весны – настоящей весны. Если вы бывали в Оксфорде, то знаете, что здесь нет золотой середины: во время дождя каменные строения приобретают цвет мочи, но в лучах солнца старинные колледжи кажутся сотканными из облаков, и, глядя на них, думаешь, что нет места прекрасней на земле. А я лишь старый циничный коп.

Вернемся к первомайскому утру, когда город предстает во всей своей оригинальности и непокорности. Трудно понять, какой он – то ли языческий, то ли христианский; такой вот безумный городок. С озаренной светом верхушки башни доносится хор певчих. Уличные музыканты окружили круглосуточный фургон с бургерами. Пабы открываются в шесть утра, а половина студентов еще не отошли с прошлой ночи. На улицы с цветами выходят даже трезвые жители Северного Оксфорда (я не шучу). В прошлом году собралось двадцать пять тысяч человек; один парень нарядился деревом. Представили?

В общем, серьезный день для полиции. Впрочем, если и выбирать праздник для дежурства, так уж лучше этот. Да, предстоит убийственно ранний подъем, зато все проходит тихо, и нас активно угощают кофе и сэндвичами с беконом. По крайней мере, раньше, когда я еще ходил в форме, точно угощали. Теперь-то я детектив, занимаюсь уголовными делами...

К тому же в этом году все иначе. В этом году убийственным оказался не только ранний подъем.

* * *

Марк Секстон появляется у дома с часовым опозданием. В такой утренний час он должен был добраться быстро, но пробки на трассе М40 растянулись до самой Банбери-роуд. Когда поворачивает на Фрэмpton-роуд, то видит, что подъездную дорожку перекрыл строительный грузовик. Выругавшись, Секстон резко сдает назад, визжа шинами. Распахивает дверь «Кайенна» и выходит из автомобиля, едва не наступив в лужу рвоты на асфальте. Марк с отвращением смотрит на нее, проверяя, не испачкал ли туфли. Да что сегодня творится в этом гребаном городе? Он закрывает машину и широким шагом направляется к дому, нащупывая в кармане ключи. Ну хоть леса убрали, и то хорошо. Продажа заняла больше времени, чем ожидал Марк, но к Рождеству, если повезет, все уже утрясется. На аукционе он упустил отличный дом на Вудсток-роуд, так что пришлось повысить ставку и купить этот. Ничего, как только работы будут окончены, местечко превратится в настоящую, черт возьми, золотую жилу. Пусть на рынке недвижимости и наблюдается застой, в этом городе цены никогда не падают благодаря богатым китайцам и русским. Всего час езды до Лондона, а еще поблизости престижная частная школа для мальчиков. Жене Марка не нравились дома с двумя собственниками, но он сказал ей: «Ты только посмотри на эту хренову громадину!» Настоящая викторианская постройка, четыре этажа и подвал, который он собирается переоборудовать под новомодный винный погреб и домашний кинотеатр (об этом Секстон жене еще не сообщал). За общей стеной живет какой-то старый придурок – не станет же он закатывать вечеринки по ночам, правда?

¹ Из начальной строки поэмы Т. С. Элиота «Бесплодная земля».

Сад у него, конечно, слегка запущен, хотя в крайнем случае можно поставить шпалеры. Ландшафтный архитектор упоминал что-то про деревья с переплетенными ветвями. Тысяча фунтов за штуку, зато сразу получается живая изгородь. «Только проблему с парадным входом таким способом не решишь», – мысленно добавил Марк, глядя на ржавеющий «Форд Кортина», подпертый кирпичами, и три велосипеда, пристегнутых цепью к дереву у дома номер 33. Рядом со всем этим добром красовалась стопка гниющих поддонов и черные мусорные мешки, из которых на тротуар сыпались пустые банки из-под пива. С прошлого приезда Марка ничего не изменилось, а был он здесь две недели назад. Оставил старому пердуну записку, попросив все убрать, однако, как видно, не подействовало.

Открывается дверь, из дома выходит Тим Найт, архитектор, со свертком растений в руке. Он широко улыбается заказчику и зовет за собой.

– Мистер Секстон, рад снова видеть вас. Мы серьезно продвинулись – думаю, вы будете довольны.

– Вот уж надеюсь, – с иронией говорит Марк. – Начался этот денек просто отвратительно.

– Посмотрим сперва наверху.

Они поднимаются по лестнице, стуча подошвами по зашкуренному дереву. Громко играет радио, почти в каждой комнате чем-то заняты рабочие: штукатуры на четвертом этаже, сантехник в ванной, прилегающей к спальне, реставратор трудится над рамами. Некоторые из рабочих поглядывают на Секстона, но он отводит глаза. Достает планшет, спрашивает строителей о ходе работ и вносит комментарии по каждому специалисту.

Осмотр завершают в задней части дома, где вместо снесенной кирпичной пристройки с навесом возводится просторная терраса из стекла и металла. Среди деревьев в дальнем конце сада проступает Кресент-сквер во всей своей георгианской изысканности. Жаль, что Секстон не смог позволить себе один из тех домов, хотя жаловаться не стоит: с момента покупки этого местечка цены на недвижимость поднялись на пять процентов. Марк расспрашивает архитектора о планировке кухни («Черт, я плачу шестьдесят штук, а мне даже долбаную посудомойку не поставят?»), потом оборачивается и смотрит на дверь, ведущую в подвал.

– Да, я как раз собирался сказать, – понял его намек Найт. – С погребом вышла заминка.

– Какая еще *заминка*? – спрашивает Секстон, прищулив глаза.

– Вчера звонил Тревор. Возможно, нам потребуется официальное разрешение от соседа, так как работы затронут общую стену.

– Твою мать, не хватало еще вмешивать сюда гребаных юристов, – скривившись, говорит Марк. – Так в чем проблема?

– Ребята начали снимать штукатурку, чтобы проложить новые кабели, и обнаружили, что состояние кирпичной кладки местами весьма плачевное. Похоже, миссис Пардью давненько туда не спускалась.

– Тупая старуха, – бормочет Секстон.

Найт не обращает внимания на его комментарий – дельце очень выгодное.

– Так вот. Боюсь, один из молодых рабочих не сразу понял, с чем имеет дело, но не волнуйтесь, завтра мы позовем инженера-проектировщика...

Не дожидаясь, пока Найт закончит, Секстон идет в подвал.

– Я сам, черт возьми, посмотрю.

Над лестницей горит тусклая лампочка. Внизу все провоняло плесенью.

– Осторожнее, – предупреждает Найт, – порожки не очень надежные. Тут шею можно сломать, если оступиться в темноте.

– Фонарик есть? Ни хрена не видно.

Найт подает Секстону фонарик. Включив его, Марк сразу понимает, в чем проблема. Кирпичи под краской с остатками старой желтой штукатурки покрыты сухой сероватой пле-

сенью и осыпаются. От пола до потолка зияет трещина шириной с палец – трещина, которой раньше тут не было.

– Господи, нам что, теперь переделывать весь фундамент? Как оценщик мог такое упустить?

– У миссис Пардью стояли полки вдоль всей стены, – извиняющимся тоном отвечает Найт. – За ними разглядеть не получилось.

– И что самое главное, почему никто не следил за мелким идиотом, который разобрал на куски мою сраную стену?..

Секстон берет с пола какой-то инструмент и начинает ковырять кирпичи. Архитектор подходит ближе.

– Слушайте, лучше не...

Из стены вываливается кирпич, за ним другой, и в итоге целый пласт кладки падает, обдавая пылью туфли Марка. На обувь он не обращает внимания, потому что с открытым ртом смотрит на дыру шириной сантиметров пять.

И в полумраке за этой дырой в стене видит лицо.

* * *

В полицейском участке Сент-Олдейт детектив-сержант Гарет Куинн, недавно получивший повышение, пьет вторую чашку кофе и ест третий по счету тост, перекинув дорогой галстук через плечо, чтобы на него не попали крошки. Под стать галстуку и недешевый костюм: всем своим видом Куинн показывает, что слишком умен и элегантен для обычного копа. Офис департамента уголовного розыска наполовину пуст, из всей команды на работу пока что приехали только Крис Гислингхэм и Верити Эверетт. Серьезного дела сейчас нет, инспектор Фаули весь день пробудет на конференции, а потому можно позволить себе не спеша заняться увлекательной работой с документами.

На солнце видно, как в воздухе пляшет пыль. Куинн шуршит газетой, в офисе пахнет кофе. Момент спокойствия нарушает телефонный звонок. Время 9.17.

Куинн берет трубку.

– Департамент уголовного розыска. – И тут вдруг: – Вот черт. Уверен?

Гислингхэм и Эверетт смотрят в его сторону. Гислингхэм, в описании которого всегда звучат слова вроде «крепкий» и «прочный» – и не только потому, что он слегка полноват. Гислингхэм, который, в отличие от Куинна, не получил звания детектива-сержанта и вряд ли получит, учитывая возраст. Но не осуждайте его за это. Каждой команде уголовного розыска нужен свой Гислингхэм. Надежный человек – такого хочется увидеть с другого конца веревки, брошенной утопающему. Эверетт тоже не стоит судить по одной лишь внешности: пусть она выглядит, как мисс Марпл лет в тридцать пять, упорства ей не занимать, как и знаменитому персонажу Агаты Кристи. Гислингхэм говорит, что в прошлой жизни Эв точно была собакой-ищейкой.

– И дверь никто не открывает? – Телефонный разговор продолжается. – Ладно. Нет-нет, мы займемся. Скажите офицеру, чтобы встретил нас на месте, и пусть приведут хотя бы одну женщину-полицейского.

Гислингхэм уже тянется за пиджаком. Куинн кладет трубку и, вставая из-за стола, съедает последний кусочек тоста.

– Это из диспетчерской. На Фрэмpton-роуд кто-то нашел девушку в подвале соседнего дома.

– В подвале? – удивленно переспрашивает Эверетт.

– Случайно пробили общую стену. Там вроде живет какой-то старикан, но он не отзывается.

- Твою ж мать!
- Вот именно.

* * *

У дома уже собирается толпа: тут и строители из тридцать первого, которым только дай повод увильнуть от работы и не выслушивать придирки Секстона, и соседи, и несколько потрепанных жизнью гуляк с цветами на шляпах и банками пива в руках. Сюрреализма этой картине добавляет полноразмерная пластиковая корова, стоящая у обочины. Она накрыта цветастой скатертью, рога украшены нарциссами. На тротуаре танцоры в народных костюмах устроили импровизированное представление.

– Что за черт! – говорит Гислингхэм, когда Куинн глушит двигатель. – Может, оштрафовать их за незаконную парковку этой штуковины?

Они выходят из машины как раз в тот момент, когда подъезжают два патрульных автомобиля. Какая-то тетка из толпы присвистывает вслед Куинну, сержант оборачивается, и та едва не падает со смеху. Один из троих полицейских в форме несет таран. Женщину тоже прислали – это Эрика Сомер. Гислингхэм замечает, как она улыбается в ответ на смущение Куинна. А Крис ведь подозревал, что между ними что-то происходит. Так и сказал Джанет: «Эти двое слишком часто сталкиваются у кофейного аппарата, на совпадение не тянет». Хотя чего уж тут: Эрика – та еще красотка, даже форма и туфли на плоской подошве ее не портят. Лишь бы она отбросила завышенные ожидания, потому что Куинна, будь он псом, никто не назвал бы верным.

– Имя старика известно? – спрашивает Куинн.

– Некий Уильям Харпер, сержант, – отвечает Сомер. – Мы вызвали парамедиков на случай, если там и вправду есть девушка.

– Мне, черт возьми, не привиделось.

Куинн видит мужчину в костюме, который и сам хотел бы купить, если б мог себе позволить. Приталенный, шелковистый, с атласной подкладкой, подчеркивающей сиреневую рубашку в клетку и розовый крапчатый галстук. Весь его наряд прямо кричит: «Сити!»² – а во взгляде написано: «Я в бешенстве».

– Слушайте, надолго все это затянется? У меня в три часа встреча с юристом, и если на трассе опять пробки...

– А вы, сэр, простите?..

– Марк Секстон. Владелец другой половины дома.

– Так это вы нас вызвали?

– Да, я. Мы с архитектором были в подвале, когда выпала часть стены. Там девушка, и мне не привиделось. В отличие от собравшегося тут сброда, я вполне трезв. Спросите у Найта, он тоже все видел.

– Хорошо. – Куинн дает офицеру с тараном сигнал к действию. – Давайте за дело. И угомоните уже этих людей! Что за хрень? Какие-то ритуальные танцы, прямо как из ужасика «Плетеный человек»³...

Куинн отходит в сторону, но его окликает Секстон:

– Эй, а что мне сказать строителям? Когда им можно вернуться к работе?

Сержант игнорирует вопрос, а Гислингхэм, проходя мимо, хлопает хозяина дома по плечу и жизнерадостно сообщает:

² Сити – деловой и финансовый центр Лондона.

³ «Плетеный человек» – британский фильм ужасов 1973 г. Действие происходит на острове, жители которого практикуют языческие ритуалы.

– Вашему шикарному ремонту, дружище, придется подождать.

Сержант стучит кулаком в дверь:

– Мистер Харпер! Полиция долины Темзы. Если вы дома, то откройте, пожалуйста, иначе мы будем вынуждены выбить дверь.

Молчание.

– Что ж, – Куинн кивает офицеру с тараном, – вперед.

Дверь старинного дома оказывается на удивление крепкой, однако с третьего удара ее выбивают из петель. В толпе раздается пьяный крик, любопытствующие вытягивают шею в надежде что-нибудь рассмотреть.

Куинн с Гислингхэмом заходят в дом, прикрывая за собой дверь.

Внутри тихо. Слышны лишь звон колокольчиков (танцоры не унимаются) и жужжание мух в комнатах со спертым воздухом. Ремонт здесь не делали очень давно: обои кое-где отклеиваются, потолок провис и весь в коричневых пятнах. По полу разбросаны газеты.

Куинн медленно идет по коридору, газеты шуршат под ногами, поскрипывают половицы.

– Есть тут кто? Мистер Харпер? Это полиция.

Вдруг он слышит какой-то стон. Совсем близко. Откуда же идет звук? Метнувшись вперед, Куинн распахивает дверь под лестницей.

На унитазах сидит старик в одной майке. Пучки жестких черных волос прилипли к коже головы и плечам. Трусы спущены до щиколоток, между ног висит вялый член. Что-то бормоча, старик испуганно хватается костлявыми пальцами за стульчак. На полу дерьмо, да и сам мужчина весь грязный.

– Сержант Куинн? – кричит с порога Сомер. – «Скорая» приехала.

– Слава богу, води их сюда скорее.

Сомер отходит в сторону, пропуская в дом двух парамедиков в зеленых комбинезонах. Один из них садится на корточки перед стариком.

– Мистер Харпер, не волнуйтесь. Я просто хочу осмотреть вас.

Куинн идет на кухню и зовет за собой Гислингхэма.

– Срочно звоним в Музей Виктории и Альберта⁴, – присвистывает последний, когда открывается дверь.

Древняя газовая плита, коричнево-оранжевый кафель семидесятых годов, металлическая раковина. Стол с пластиковым покрытием, четыре разных стула. Повсюду грязная посуда, бутылки из-под пива и недоеденные консервы в банках, кишаших мухами. Все окна закрыты, обувь прилипает к линолеуму. За стеклянной дверью со шторой из бусин расположена оранжерея, а другая дверца, судя по всему, ведет в подвал. Она закрыта, но рядом на гвоздике висит связка ключей. Гислингхэм снимает ее и, неуклюже перебирая в руках, только с третьей попытки находит подходящий ключ. Тот поворачивается легко, хоть и ржавый. Гислингхэм открывает дверь и пропускает Куинна вперед, включив свет. Они медленно спускаются вниз, над головами шипит неоновая лампа.

– Эй? Есть тут кто-нибудь?

Даже в тусклом свете видно, что подвал пуст. Коробки, черные полиэтиленовые мешки, старый торшер, оловянная ванна со всяким хламом – и никаких следов живых существ.

Куинн и Гислингхэм переглядываются, стук их сердец заглушает все остальные звуки.

– Что это было? – вдруг шепчет Гислингхэм. – Какой-то шорох. Крысы?

Куинн машинально подергивается и смотрит под ноги. Только не чертовы крысы.

Гислингхэм снова осматривается, глаза привыкают к полумраку. Надо было взять фонарик из машины.

– Вон там, что это?

⁴ Музей Виктории и Альберта в Лондоне – крупнейший в мире музей декоративно-прикладного искусства и дизайна.

Он проходит меж коробок, понимая, что подвал куда просторнее, чем кажется.

– Куинн, тут еще одна дверь. Поможешь?

Хотя сержанту удастся сдвинуть засов, дверь все равно не поддается.

– Видимо, заперто, – говорит Гислингхэм. – Связка еще у тебя?

Подобрать нужный ключ в полумраке еще сложнее, но в итоге они его находят. Куинн с Гислингхэмом наваливаются плечами на дверь, и изнутри их обдает таким зловонием, от которого хочется закрыть рот рукой.

На бетонном полу лежит молодая женщина, на ней джинсы с протертыми коленями и потрепанный кардиган, некогда желтый. Ее рот приоткрыт, а глаза, наоборот, закрыты. Кожа мертвенно-бледная.

Только женщина там не одна.

Рядом с ней сидит ребенок и дергает ее за волосы.

Такого они не ожидали.

* * *

А где был я, когда все это произошло? Хотел бы сказать, что занимался чем-то отважным и впечатляющим (выступал в качестве связного для спецслужбы, боролся с терроризмом и т. п.), но печальная правда заключается в том, что я был в городе Уорик – проходил учебный курс под названием «Совместная охрана порядка в XXI веке» для инспекторов и более высоких чинов. Вот нам повезло, да? Глядя на бесконечные презентации с самого утра, я начал подумывать, что ребятам, охраняющим первомайские гуляния, выпала лучшая доля. Затем мне позвонили. Организатор курса, настоятельно просившая отключить телефоны, бросает на меня хмурый взгляд и шумно вздыхает, когда я выскакиваю в коридор. Наверное, думает, что я уже не вернусь.

– Девушку отвезли в больницу имени Джона Рэдклиффа, – говорит Куинн. – Состояние плачевное: давно не ела и сильно обезвожена. В комнате нашли бутылку воды, хотя подозреваю, что в основном она поила ребенка. Врачи сообщат больше подробностей, как только закончат полный осмотр.

– А что мальчик?

– Молчит. Но на вид ему не больше двух лет, чего еще ждать от бедняги? Он не подпускал к себе ни меня, ни Гиса, так что в машине «Скорой» с ним поехала Сомер. Харпера тут же арестовали, а когда попытались вывести его из дома, он начал вырываться и кричать. Видимо, у него «альцгеймер».

– Ты и без меня прекрасно знаешь: если Харпер недееспособен, нужно строго следовать инструкции.

– Конечно. Я уже позвонил в соцслужбу – и не только из-за него. Мальчишке тоже понадобится помощь.

На мгновение мы оба замолкаем – видимо, размышляя об одном и том же.

Вполне вероятно, мы имеем дело с ребенком, который в своей жизни не видел ничего, кроме этого подвала. Который родился там, в темноте.

– Ладно, – говорю я. – Выезжаю. Буду к обеду.

* * *

Би-би-си Мидлендс Сегодняшние новости

Понедельник, 1 мая 2017 года | Последнее обновление в 11.21

Срочное сообщение

Молодая женщина и ребенок найдены в подвале дома в Северном Оксфорде

Поступают сообщения о том, что этим утром в подвале дома на Фрэмpton-роуд в Северном Оксфорде были обнаружены девушка и маленький ребенок, предположительно ее сын. Это случилось благодаря строительным работам по соседству. Имя девушки пока не разглашается, и полиция долины Темзы еще не делала заявления.

Следите за обновлениями.

* * *

Время 11.27. В Кидлингтоне в комнате для свидетелей Гислингхэм наблюдает за Харпером по видео: старик, теперь уже в рубашке и брюках, съевшись, сидит на диване. Рядом с ним на стуле с твердой спинкой – соцработник; он сосредоточенно беседует с Харпером. Женщина из службы охраны психического здоровья стоит чуть поодаль. Харпер беспокойно дергает ногой, но даже по видео без звука понятно – с головой у него всё в порядке. По крайней мере, сейчас. Старик раздраженно поглядывает на соцработника и морщинистой костлявой рукой отмахивается от вопросов.

Открывается дверь, заходит Куинн. Бросает папку на стол и, опершись на него, говорит:

– Эверетт поехала прямиком в больницу и сможет опросить девушку, как только разрешат врачи. Эри... – Краснеет. – Констебль Сомер вернулась на Фрэмpton-роуд, чтобы скоординировать обход всех домов на улице. Чаллоу работает с криминалистами.

Он делает какую-то пометку в папке и привычным жестом засовывает ручку за ухо. Потом кивает на экран.

– Есть что-нибудь?

Гислингхэм качает головой:

– Соцработник провел с ним уже полчаса. Дерек Росс. Я вроде уже с ним сталкивался. Неизвестно, когда вернется Фаули?

Куинн смотрит на часы.

– Около двенадцати. Сказал начинать без него, если врач и соцслужбы не против. Адвокат уже едет. Соцработник просто прикрывает свою задницу, но его можно понять.

– Ага, готов к любым неожиданностям, – с иронией говорит Гислингхэм. – Они уверены, что старика можно допрашивать?

– Да. В тот момент, когда у него наступает просветление. Если начнет психовать, придется отложить.

Крис внимательно смотрит на экран.

На подбородке Харпера уже минут десять висит ниточка слюны, которую он не спешит вытирать.

– Думаешь, он вообще способен на такое? Это он сделал?

– Если мальчишка и вправду родился в подвале, то да, – с мрачным видом отвечает Куинн. – Понимаю, сейчас Харпер выглядит жалким стариком, но года два-три назад... Может, тогда он был совсем другим. Тот человек и совершил преступление, а не этот убогий дедок.

Хотя в помещении душно, Гислингхэм вздрагивает.

– Что, кто-то прошел по твоей могиле? – спрашивает Куинн.

– Я вот подумал, он же не за один день таким стал. Состояние ухудшается в течение нескольких месяцев или даже лет. А она ничего не знала. Не знала, что он постепенно сходит с ума. Может, Харпер вообще начал забывать, что держит ее в подвале. Заканчивается еда, потом вода, а тут еще ребенок, и она кричит, но старик ее не слышит...

Гарет качает головой:

– Господи, как же вовремя мы ее нашли.

* * *

Дерек Росс встает и оказывается вне поля зрения. Через секунду он заходит к полицейским.

– Так вы его соцработник? – спрашивает Гислингхэм.

– Последние пару лет, – говорит Росс.

– Вам было известно про деменцию?

– Официальный диагноз поставили несколько месяцев назад, однако началось все задолго до этого. Вы и сами знаете, как это непредсказуемо, – ему то хуже, то лучше... Я волновался, что в последнее время болезнь стала прогрессировать. Он несколько раз падал, а год назад обжегся о плитку.

– И еще он выпивает, верно? От него несет перегаром.

Росс делает глубокий вдох.

– Да, появилась и эта проблема. И все же я не могу поверить, чтобы он сделал что-то настолько... настолько ужасное...

Куинна его слова не убеждают.

– Ни один человек не знает, на что он способен.

– Но в его состоянии...

– Послушайте. – В голосе Гарета начинают звучать суровые нотки. – Врач разрешила его допросить, ей виднее. Обвинять – это уже другое дело, и когда мы до этого дойдем, Служба уголовного преследования выскажет свое мнение. А сейчас у нас есть девушка и ребенок, которые были заперты в подвале Харпера, и мы *обязаны* узнать, как они туда попали. Вы ведь это понимаете, мистер Росс?

Тот неохотно кивает.

– Могу я присутствовать? Он меня знает, так будет легче. С ним... с ним бывает непросто.

– Хорошо, – соглашается Куинн, собирая бумаги.

Втроем они направляются к двери, но Росс вдруг останавливается и трогает сержанта за плечо.

– Не давите на него, ладно?

Гарет поднимает бровь:

– Как он не давил на девушку?

* * *

*Допрос Изабель Филдинг, произведенный
по адресу: Фрэмpton-роуд, д. 17, г. Оксфорд*

1 мая 2017 года, 11.15

Присутствуют: констебль Э. Сомер

Э.С.: Как давно вы здесь живете, миссис Филдинг?

И.Ф.: Всего пару лет. Это дом от университета, мой муж преподает в Оксфорде.

Э.С.: Вы знаете мистера Харпера из дома номер 33?

И.Ф.: Ну, мы особо не общались. Вскоре после нашего переезда сюда он явился с вопросом, не видел ли кто чехол от его машины. Мистер Харпер был немного не в себе. Вы заметили, в каком состоянии его автомобиль? Зачем ему чехол? В общем, мы решили, что он просто местный чудак. Здесь таких полно. Бывшие преподаватели, которые живут тут уже сто лет. Думаю, большинство из них просто дошли до сиреневой стадии.

Э.С.: Сиреневой стадии?

И.Ф.: Ну да, как в том стихотворении. «Вот буду старушкой и оденусь в сиреневое», или как оно там. Короче, люди достигают такого возраста, когда им становится все равно.

Э.С.: Мистеру Харперу уже было все равно?

И.Ф.: Он то бродил по улицам в пижаме, разговаривая сам с собой, то надевал перчатки в июне. И все в таком духе, хотя, по сути, он безобиден. [Пауза] Извините, прозвучало как-то... Я имела в виду...

Э.С.: Ничего, миссис Филдинг. Я вас поняла.

* * *

– Итак, мистер Харпер, я детектив-сержант Гарет Куинн, а это мой коллега детектив-констебль Крис Гислингхэм. С Дерекком Россом вы уже знакомы. Вот эта леди будет вашим адвокатом.

Женщина у дальнего края стола поднимает голову, однако Харпер не реагирует. Кажется, он вообще не замечает ее присутствия.

– Мистер Харпер, вас арестовали сегодня в десять пятнадцать утра по подозрению в похищении и неправомерном лишении свободы. Вам зачитали обвинение и ваши права, и вы заявили, что все поняли. Теперь мы проведем официальный допрос, который будет записан.

– Тебя снимут на камеру, Билл. Ясно? – добавляет Росс.

Старик раздраженно прищуривается.

– Я что, похож на идиота? Все мне ясно. И для тебя, сынок, я доктор Харпер.

Куинн смотрит на Росса, и тот кивает.

– До тысяча девятьсот девяносто восьмого года доктор Харпер преподавал социологию в университете Бирмингема.

Куинн слегка краснеет – третий раз за утро. «Это рекорд», – мысленно отмечает Гислингхэм.

– Вы проживаете по нынешнему адресу с тысяча девятьсот семьдесят шестого года? – спрашивает Гарет, заглянув в папку. – Хотя работали в Бирмингеме?

Харпер смотрит на сержанта так, будто тот намеренно прикидывается тупым.

– Бирмингем – та еще дыра.

– То есть сюда вы переехали в семьдесят шестом году?

– Брехня. Одиннадцатого декабря семьдесят пятого года, в день рождения моей жены, – отвечает Харпер.

– Первая жена доктора Харпера умерла в девяносто девятом году, – быстро вставляет Росс. – Он женился снова в две тысячи первом, но, к сожалению, в две тысячи десятом году вторая миссис Харпер погибла в аварии.

– Тупая корова, – громко говорит Харпер. – Напилась. Напилась в стельку.

Росс смущенно поглядывает на адвоката.

– Коронер обнаружил повышенное содержание алкоголя в крови миссис Харпер на момент несчастного случая.

– У доктора Харпера есть дети?

Тот протягивает руку и стучит по столу перед Куинном.

– Говори со мной, сынок. Со *мной*, а не с этим идиотом.

– Ну так есть у вас дети? – обращается к нему сержант.

– Энни. Толстая корова. – Харпер кривит лицо.

Гарет берет ручку.

– Вашу дочь зовут Энни?

– Нет, – перебивает Росс. – Билл немного путается. Энни – это его соседка из сорок восьмого дома. Судя по всему, очень милая женщина. Она часто заходила к нему в гости, но в четырнадцатом году переехала в Канаду, чтобы быть поближе к сыну.

– Хочет скрайпить, дурында. Сказал ей, что у меня в доме такого не будет.

Куинн вопросительно смотрит на Росса.

– Он имеет в виду «скайпить», общаться по «скайпу». Билл не хочет пользоваться компьютером, так что их общение не продолжилось.

– Других родственников у него нет?

– По крайней мере, я не в курсе, – говорит Росс.

* * *

– У него точно есть сын, но как его зовут, не помню.

Сомер стоит на пороге дома № 7 уже пятнадцать минут. Надо было соглашаться на чай, хотя тогда она застряла бы тут на весь день. Миссис Гибсон тараторит без умолку.

– Сын, говорите? – Эрика просматривает записи. – О нем больше никто не упоминал.

– И неудивительно. Люди тут... не любят «вмешиваться». В моем детстве все было иначе. Раньше все присматривали друг за другом и знали своих соседей, а теперь мне и половина местных богачей неизвестна.

– Вы уверены, что речь идет о сыне?

– Джон, точно! Не сомневалась, что вспомню. Правда, я его давненько не видела. Средних лет, волосы седые...

Сомер делает записи.

– И когда вы видели его в последний раз?

Из коридора раздается шум, и миссис Гибсон, крикнув «брысь!», плотнее прикрывает дверь.

– Простите, дорогая. Чертова кошка вечно пытается выскочить тут на улицу, хотя в задней части дома у нее есть дверца. Кошки – они такие, всегда поступают по-своему, а сиамские тем более...

– Миссис Гибсон, можем вернуться к сыну мистера Харпера?

– Ах да. Думаю, он был здесь пару лет назад.

– К мистеру Харперу приходит кто-нибудь еще?

– Ну, этот соцработник, наверное. – Миссис Гибсон кривится. – Толку от него ноль.

* * *

Куинн делает глубокий вдох.

– Чего вздыхаешь, сынок? Выкладывай уже на хрен. А то вид такой, будто присел потужиться.

Теперь засмушалась даже адвокат.

– Доктор Харпер, вы знаете, почему к вам сегодня пришла полиция?

Старик откидывается на спинку стула.

– Понятия не имею. Видать, этот придурок из соседнего дома жаловался на мусорные баки. Урод хренов.

– Да, нас вызвал мистер Секстон, но дело не в мусоре. Этим утром он был у себя в подвале, и часть стены обвалилась.

Харпер переводит взгляд с Куинна на Гислингхэма и обратно.

– Ну и хрен ли с того? Урод.

Детективы смотрят друг на друга. Они провели немало допросов и знают, что настал тот самый момент. Виновный с трудом контролирует язык своего тела, даже если он отличный и опытный лжец. Что-то обязательно выдаст его: блеск в глазах, дрожащие руки. Некоторые держатся отстраненно, другие нагло всё отрицают. Однако лицо Харпера не выражает никаких эмоций. Ничего.

– И у меня нет гребаного телика.

– Что, простите? – удивленно спрашивает Куинн.

Харпер наклоняется вперед.

– Дебил, что ли? *У меня нет гребаного телика.*

Росс беспокойно вставляет:

– Кажется, доктор Харпер хочет сказать, что ему не нужно платить за телевидение. Он думает, что из-за этого его сюда и привезли.

– Не надо мне говорить, что я думаю, – рывкает на него Харпер. – Чертов идиот. Жопу от сисек не отличит.

– Доктор Харпер, – обращается к старику Гислингхэм. – В вашем подвале нашли молодую женщину, поэтому вы здесь. С телевидением это никак не связано.

Харпер дергается вперед, тыкая пальцем в лицо Крису:

– *У меня нет гребаного телика.*

Куинн замечает беспокойство во взгляде Росса: ситуация выходит из-под контроля.

– Доктор Харпер. В вашем подвале была девушка. *Как она там оказалась?*

Старик по очереди смотрит на полицейских, и впервые за время допроса у него бегают глаза. Гислингхэм достает из папки фотографию девушки и показывает Харперу.

– Вот она. Как ее зовут?

– Энни, – со злобой говорит Харпер. – Толстая корова.

Росс качает головой:

– Это не Энни, Билл. Ты же знаешь, что это не Энни.

Старик не обращает внимания на снимок.

– Доктор Харпер, вы должны посмотреть на фото, – настаивает Гислингхэм.

– Присцилла, – выдает Харпер, брызжа слюной. – Такая красotka. Развратная баба. Слонялась по дому, выставив сиськи напоказ.

Росс в отчаянии.

– Ты же прекрасно понимаешь, что это не Присцилла.

Не отводя глаз от Гислингхэма, Харпер протягивает скрюченную руку и сбрасывает снимок со стола вместе с телефоном Криса. Мобильный ударяется о стену и кусками падает на пол.

– Какого черта вы творите? – кричит Гислингхэм, вскакивая со стула.

– Доктор Харпер, – сквозь зубы цедит Куинн, – эта женщина сейчас в больнице. Врачи проведут полный осмотр, и, как только она сможет с нами поговорить, мы узнаем, кто она такая и как очутилась взаперти в вашем подвале. У вас есть возможность рассказать, что произошло. Вы осознаёте, насколько все *серьезно*?

Харпер плюет в лицо сержанту.

– Да пошел ты. Слышишь? *Иди на хрен!*

Воцаряется пугающая тишина. Гислингхэм боится даже глянуть на Куинна. Сержант достает из кармана платок и вытирает лицо.

– Думаю, нам лучше остановиться, офицер, – предлагает адвокат. – Что скажете?

– Допрос окончен в одиннадцать тридцать семь, – с ледяным спокойствием говорит Куинн. – Доктора Харпера отведут в камеру и...

– Господи, да вы посмотрите на него! Разве его можно держать под арестом? – возражает Росс.

– Мистер Харпер представляет опасность для окружающих и для самого себя, – невозмутимо отвечает Гарет и с напускной аккуратностью складывает бумаги. – В любом случае его дом теперь – место преступления. Туда он вернуться не может.

Куинн встает и направляется к выходу, Росс бежит за ним в коридор.

– Я что-нибудь придумаю. Найду дом престарелых, где за Биллом будут присматривать...

Сержант разворачивается так резко, что оказывается почти вплотную к соцработнику.

– *Присматривать?* – шипит он. – Так вот чем вы занимались все эти месяцы – *присматривали за ним?*

Побледневший Росс делает шаг назад.

– Послушайте...

Куинн не дает ему сказать.

– Как долго она там пробыла, а? Вместе с ребенком? Два года? Три? И все это время ты ходил к старику, *присматривал*, день за днем. Ты, ты *один* бывал в этом доме. И ты *ничего* не замечал, серьезно? – Он тыкает пальцем в грудь Росса. – Лично я считаю, что арестовать нужно не только Харпера. Вам тоже придется ответить на *очень* серьезные вопросы, *мистер Росс*. Это не просто профессиональная халатность...

Тот поднимает руки, как бы защищаясь от Куинна.

– Вы *хоть* представляете, сколько у меня клиентов? Сколько бумажек я заполняю? А на дорогах вечно пробки, так что хорошо, если удастся зайти минут на пятнадцать и проверить, что человек нормально ест и не сидит в собственном дерьме. На обход дома времени ни хрена не остается.

– И вы *ничего* не видели и не слышали?

– Куинн, – зовет сержанта стоящий у двери Гислингхэм.

– Я никогда не был в этом чертовом подвале, – утверждает Росс. – Я вообще не в курсе, что он там *есть*...

Лицо Куинна становится багровым.

– Думаете, я в это поверю?

– *Куинн*, – настойчиво повторяет Гислингхэм.

Тот не реагирует, и тогда детектив разворачивает его в сторону коридора, схватив за плечо. Кто-то идет в их сторону.

Это Фаули.

* * *

На Фрэмpton-роуд Алан Чаллоу направляется по тропинке к дому, и полицейский в форме приподнимает оградительную ленту, впуская его. В защитном костюме Чаллоу весь вспотел – такой жары в этом году еще не было. Толпа увеличилась вдвое, а ее состав изменился. Первомайские гуляки разошлись; строители тоже решили, что с них на сегодня хватит. Не считая пары соседей, теперь здесь стояли одни зеваки, жаждущие увлекательных сплетен или леденящих душу подробностей. Или же и того, и другого, если учесть, что половину из них составляли газетные писаки.

На кухне двое криминалистов из команды Чаллоу снимают отпечатки. Одна из них кивает Алану и опускает маску, чтобы поговорить с ним. Над верхней губой у нее собрались капельки пота.

– Впервые за долгое время радуюсь, что приходится работать в маске. Давненько тут не делали уборку.

– Где подвал?

– Сзади, – показывает она. – Мы сделали свет поярче, хотя стало только хуже. – Криминалист с мрачным видом поводит плечом. – Ну, ты и сам знаешь.

Еще бы, Чаллоу занимается этим уже двадцать пять лет. Спускаясь, он пригибает голову, чтобы не задеть лампочку, которую повесили над ступеньками. На кирпичные стены падает большая подрагивающая тень. Внизу его ждут еще двое криминалистов, которые осматривают скопившийся в подвале хлам.

– Понимаю, это настоящий геморрой, но придется отвезти все в отдел. Где была девушка?

– Вон там.

Чаллоу проходит к дальней комнатке. В круге света безжалостно блестит грязный пол; хорошо видно замусоленное постельное белье и унитаз посреди лужи смрада. Снова коробки с хламом. Картонный поддон из-под упаковки воды, в котором осталась всего одна бутылка, а еще полиэтиленовый мешок с пустыми банками и обертками, но никакой еды. В углу – детская кроватка, похожая на мышиную норку.

– Так, – наконец прерывает тишину Чаллоу. – Это нам тоже надо забрать.

Женщина-полицейский разглядывает трещину в общей стене. Кирпичи кое-где сломаны, известку расковыряли.

– Алан, – подзывает она. – Смотри.

Чаллоу наклоняется ближе и видит красные разводы на сырой штукатурке.

– Боже... Она пыталась процарапать путь к свободе.

* * *

Последний раз я встречал Дерека Росса во время работы над делом Дейзи Мэйсон⁵. Росс присутствовал на допросах ее брата, так что виделись мы часто. Было это год назад, хотя, глядя на него, можно подумать, что прошли все пять. Волосы поредели, живот округлился, под глазом дергается сосуд. Впрочем, последнее, пожалуй, заслуга Куинна.

– Сержант Куинн, – обращаюсь я к нему. – Может, принесете всем нам кофейку? И не из аппарата.

Гарет смотрит на меня, то открывая, то закрывая рот.

– Сэр, я...

⁵ Об этом подробно рассказывается в романе К. Хантер «Самый близкий враг».

– Идем, я тебе помогу, – перебивает Гислингхэм, коснувшись локтя сержанта.

Типичная ситуация: Гис прекрасно знает, когда надо перестать копать, а вот у Куинна с собой целый набор лопат.

Я отвожу Росса в соседний кабинет. На экран без звука транслируется видео из комнаты для допросов. Адвокат встала и собирается уходить, Харпер боком сидит на стуле, подтянув колени к груди. Он выглядит маленьким, старым и очень напуганным.

Я ставлю перед Россом пластиковый стаканчик воды и сажусь напротив, немного отодвинувшись от стола. В области подмышек у Дерек влажные пятна, так что помещение наполняется резким запахом. Сидеть к нему близко не хочется, уж поверьте.

– Как поживаешь?

– Так себе, – отвечает Росс, настороженно глядя на меня.

Я откидываюсь на спинку стула.

– Расскажи-ка мне про Харпера.

Он немного напрягается.

– Я что, подозреваемый?

– Ты должен понимать, что являешься важным свидетелем.

– Да, вроде того, – со вздохом говорит Росс. – Что ты хочешь знать?

– Ты сказал моим ребятам, что ходил к Харперу всего раз в неделю. Как давно?

– Пару лет, может, больше. Надо проверить в документах.

– И надолго ты у него не задерживаешься?

Росс делает глоток воды, которая немного проливается на его брюки, но он, похоже, не замечает.

– Я не могу... у меня, черт возьми, не хватает времени. Seriously, я с удовольствием посидел бы с ним часок и потрепался бы о погоде, только нам урезали бюджет, и...

– Я тебя не обвинял.

– В отличие от вашего сержанта.

– За это я прошу прощения. Не забывай, он видел, в каком состоянии была девушка. Не говоря уже о ребенке. Его можно понять: Куинну с трудом верится, что ты ходил туда все это время и ничего не слышал. Да и мне, честно говоря, тоже.

Несмотря на все мои слова, я и сам уже готов допрашивать Росса как подозреваемого, а пока я не буду убежден в его невиновности, Харперу понадобится другой соцработник. Получить от него признание – и так работенка не из легких; не хватало еще других препятствий следствию.

Дерек ерошит рукой волосы. Точнее, то, что от них осталось.

– В этих домах очень толстые стены. Неудивительно, что я ничего не услышал.

– И в подвал ты не спускался?

Росс смотрит мне прямо в глаза.

– Говорю же, я вообще не знал про него. Думал, это просто кладовка.

– А что насчет второго этажа?

Росс качает головой:

– Сколько я знаю Билла, он обитает только на первом.

– Однако спуститься или подняться по лестнице он может?

– В случае необходимости – да, но он туда не ходит. Перед отъездом Энни устроила ему спальню из гостиной на первом этаже, а в пристройке есть простецкая ванна – для его нужд хватает. Боюсь представить, что творится наверху. Туда давно никто не ходил. Наверное, со смерти Присциллы.

– К нему не присылают уборщицу, например?

– Пробовали – он обложил ее матом, и больше она туда не пошла. Я иногда вытираю пыль и заливаю в сортир хлорку. Времени-то мало.

– Еду тоже ты покупаешь?

– Когда у Билла отобрали водительские права, я устроил доставку из супермаркета с помощью местной благотворительной организации, которая помогает старикам. Это было года полтора назад. С его банковского счета регулярно списывается определенная сумма. Денег у него много. Ну, не то чтобы прямо-таки много, но достаточно.

– Почему он не продаст дом? Тот ведь стоит целое состояние. Даже в таком жалком виде.

Росс кривится:

– Да, этот сосед-богач выложил за свою часть три миллиона. А Билл, он отказывается переезжать в дом престарелых, хотя с артритом за последний месяц стало только хуже. Врач скоро назначит ему лекарства от болезни Альцгеймера, и кто-то должен следить, чтобы он вовремя их принимал. Я с этим не справлюсь. Старик один в доме – рано или поздно с ним что-нибудь случится. Как я говорил, раз он уже обжегся.

– Ты обсуждал с ним переезд?

Дерек делает глубокий вдох.

– Да, недель шесть назад. Я пытался объяснить, что так будет лучше, но ему эта идея пришлась не по душе. Начал кричать на меня, бросаться вещами, вот я и замолчал. Правда, хотел снова затронуть тему на этой неделе. Освободилось место в «Ньюстед-хаусе» в Уитни, там один из лучших домов престарелых. Что теперь с ним будет...

Росс допивает воду. Я наливаю еще.

– Тебе не приходило в голову, – осторожно подбираю слова, – что переезжать он не хотел как раз из-за девушки?

Бледнея, Росс ставит стаканчик обратно на стол.

– Харпер не мог уехать, ведь тогда бы ее нашли. И отпустить ее он не мог по той же причине.

– Так что же он собирался делать?

Я пожимаю плечами:

– Не знаю. Надеялся, что ты мне...

Из коридора доносится шум, и Гислингхэм вдруг распахивает дверь.

– Босс, кажется...

Я уже проталкиваюсь мимо него.

В соседнем помещении двое констеблей удерживают Харпера. Трудно поверить, что это тот самый старикан, – он размахивает руками, лягается, кричит на женщину-полицейского:

– *Сука!*

Та, хоть и опытная сотрудница, заметно потрясена. На щеке у нее царапина, по форменной рубашке расплывается мокрое пятно.

– Я просто принесла ему чай, – запинаясь, говорит она. – А он сказал, что слишком горячо, что я пытаюсь обжечь его, а я ничего такого... ничего...

– Конечно. Иди-ка присядь, и пусть кто-нибудь займется твоей щекой.

Она прижимает руку к лицу.

– Я даже не почувствовала...

– Думаю, это всего лишь царапина, но все равно стоит осмотреть.

Моя коллега кивает, и я увожу ее из комнаты. Харпер, вырываясь, кричит ей вслед:

– *Сука!* Вот кого нужно арестовать, идиот хренов! Она пыталась меня ошпарить. *Мерзкая корова!*

* * *

Когда я возвращаюсь к Россу, то вижу, что он следит за происходящим на экране, и некоторое время я наблюдаю за тем, как наблюдает он.

– Так какой же из них настоящий Билл Харпер? – наконец спрашиваю я. – Тот, что трясется в углу, как напуганный ребенок, или тот, что нападает на моих офицеров?

– Это все болезнь, – качает головой Росс. – Именно так она и проявляется.

– Возможно. Или же болезнь лишь ослабляет самоконтроль, а он всегда был жестоким, просто старался сдерживать эмоции. Умел с ними справляться. Скрывать их.

Росс повернулся в мою сторону, но смотрит куда-то мимо. Он явно что-то не договаривает.

Я не сразу прерываю тишину.

– Ну же, Дерек? – Делаю шаг в его сторону. Он бросает на меня взгляд и тут же, краснея, отводит глаза. – Что еще скрывает Уильям Харпер?

* * *

Констебль Верити Эверетт уже два часа ждет в больнице имени Джона Рэдклиффа. Большинство людей терпеть не могут лечебные учреждения, однако до работы в полиции Эверетт училась на медсестру, а потому обстановка не кажется ей гнетущей. Напротив, успокаивает. В отделении «скорой помощи» каждый знает свое место и свои обязанности. Белые халаты и белый шум действуют на Верити умиротворяюще. В последнее время она плохо спит, да и в коридоре душновато, так что ей очень хочется прикрыть глаза и уснуть, пусть даже на жестком пластиковом стуле. Наверное, она уже задремала, потому что когда кто-то коснулся ее руки, Эверетт резко вздернула голову и выпрямилась.

– Констебль Эверетт?

Открыв глаза, она видит лицо врача – доброе, обеспокоенное.

– Вы в порядке?

Верити спешит взбодриться. Шея затекла.

– Да, простите. Похоже, отключилась на минутку.

Доктор улыбается. Такой симпатяга, прямо Идрис Эльба⁶ со стетоскопом.

– А может, и дольше. В любом случае не стоило вас беспокоить.

– Как она?

– Боюсь, ничего нового я не сообщу. Как и подозревали парамедики, девушка обезвожена и давно нормально не питалась. Похоже, других серьезных проблем нет, однако в какой-то момент она сильно встревожилась, из-за чего полный осмотр мы пока отложили. Сейчас от этого будет больше вреда, чем пользы. Мы дали ей успокоительное, пусть немного поспит.

Эверетт встает и на негнувшихся ногах, будто старая бабка, идет к палате. Заглядывает в окно: девушка лежит на койке, спутанные темные волосы разметались по подушке, рука сжимает одеяло. Под глазами у нее темные круги, лицо осунулось, хотя все равно видно, что она была – да и *остается* – красивой.

– А где мальчик? – спрашивает Эверетт у врача.

– Сейчас он у педиатра. Поразительно, но малыш в довольно хорошем состоянии. Учитывая ситуацию.

– Она ничего не говорила? Никаких имен? Как долго она там пробыла? Хотя что-нибудь?

– Нет, простите, – качает головой доктор.

– Когда можно будет с ней поговорить? Это очень важно.

– Понимаю, однако самочувствие пациента на первом месте. Придется подождать.

– Она поправится?

Врач подходит к окну палаты и смотрит на озабоченное лицо Эверетт.

⁶ Идриса Акуна «Идрис» Эльба (р. 1972) – популярный британский актер кино и телевидения.

– Честно говоря, больше всего меня беспокоит ее душевное состояние. После того, через что прошла бедняжка, ей нужно как следует отоспаться. Сейчас это – лучшее лекарство, а потом посмотрим.

* * *

– Дерек, не молчи. Если ты видел хоть что-нибудь... любая мелочь поможет.

Росс смотрит на меня и сжимает пластиковый стаканчик с такой силой, что тот вдруг трескается, а вода течет по его брюкам.

– Ладно, – после долгого молчания говорит он, вытирая одежду. – Где-то полгода назад, в декабре, одна соседка сказала, что видела Харпера на улице в одних тапочках, вот мне и пришлось заехать, чтобы найти его обувь. Он начал терять вещи, забывал, где что лежит... В общем, я решил, что его ботинки, наверное, под кроватью.

– И ты нашел их там?

Росс качает головой:

– Нет, но я нашел коробку со всякими журналами.

Я понимаю его без лишних намеков.

– Порнушка?

– Причем жесткая, – после заминки отвечает Дерек. – Садомазо, пытки... Что-то вроде того, особо я не разглядывал.

«В отличие от Харпера», – мысленно продолжаю за него я.

Наступает тишина. Неудивительно, что он боялся говорить об этом.

– Как думаешь, где он такое достал? – интересуюсь я.

Росс пожимает плечами:

– Точно не через Интернет. Во всяких женских журналах, если присмотреться, бывают объявления мелким шрифтом. В то время он еще иногда сам ходил в магазин.

– Коробка по-прежнему на месте?

– Скорее всего. Я просто засунул ее обратно, так что если Билл и заметил что-нибудь, то промолчал. Но знаете, гадкие журнальчики – это одно, а вот похитить девушку и запереть ее в подвале – совсем другое.

Лично я не был бы так уверен. Видел я, что творит деменция с людьми. В первые месяцы никто, даже сам Харпер, не осознает, что болен. Он еще полон сил и решительности, однако личность его, меняясь, ожесточается. Действительно ли Харпер превратился в другого человека или просто стал более суровой и безжалостной версией себя прежнего?

Встаю и выхожу в коридор, оставляя Росса одного. Стоявший у кулера с водой Гис подходит ко мне.

– Есть что-нибудь?

– Не особо. Говорит, как-то раз нашел в доме стопку журналов с жестким порно. Пусть Чаллоу и его ребята обыщут не только цокольный этаж и подвал. Вдруг найдется еще что-то...

– Хорошо.

– И давайте покопаяемся в прошлом Харпера. Начни с университета, где он работал. Это было не так уж давно, двадцать лет назад; наверняка его помнят.

* * *

Беседа по телефону с Луизой Фоли, начальником отдела кадров Бирмингемского университета

1 мая 2017 года, 13.47

Беседу провел детектив-констебль К. Гислингхэм

К.Г.: Простите, что беспокою вас в праздничный день, однако мы надеялись получить у вас кое-какую информацию об Уильяме Харпере. Если не ошибаюсь, он преподавал в Бирмингеме до конца 90-х?

Л.Ф.: Да, все верно. Меня тогда еще не было в университете, но я знаю, что доктор Харпер работал на факультете социальных наук и специализировался на теории игр. Кажется, он написал знаменитую статью по ролевым играм. Очень прогрессивную для тех времен.

К.Г.: Что еще можете рассказать про этого гения?

Л.Ф.: Он ушел на пенсию в девяносто восьмом, констебль. Это было очень давно.

К.Г.: Понимаю, хотя компьютеры ведь уже имелись? Не доисторическая эпоха-то... Должны же быть какие-то записи.

Л.Ф.: Разумеется, но вам прекрасно известно, что я не имею права разглашать личную информацию – такова наша внутренняя политика. У вас есть разрешение от доктора Харпера?

К.Г.: Нет, и оно мне не нужно, если требуемая информация необходима для ареста или уголовного преследования обвиняемого. Закон об охране информации, пункт 29 (3), если желаете проверить.

Л.Ф.: Что он натворил? Вы же не просто так звоните. Дело не в каком-нибудь там штрафе за парковку, иначе вы не стали бы... [Пауза] Постойте, это из-за той девушки в подвале, о которой говорят во всех новостях? Его возраст как раз...

К.Г.: Боюсь, мисс Фоли, я не вправе сообщать подробности. Не могли бы вы просто скинуть мне нужные файлы на почту? Это сэкономит всем нам кучу времени.

Л.Ф.: Мне понадобится разрешение от директора по кадрам. Однако если у вас есть конкретные вопросы, я попробую ответить.

К.Г.: [Пауза] Тогда расскажите мне, почему он ушел с работы.

Л.Ф.: В смысле?

К.Г.: Ну, я вроде еще не забыл математику – в девяносто восьмом Харперу было пятьдесят семь лет. А во сколько обычно уходят на пенсию университетские преподаватели, лет в шестьдесят пять или даже в семьдесят?

Л.Ф.: [Пауза] Судя по личному делу, доктор Харпер вышел на пенсию раньше по обоюдному соглашению с университетом.

К.Г.: Ясно. И какова была настоящая причина?

Л.Ф.: Я не понимаю, о чем вы...

К.Г.: Да ладно вам, мисс Фоли, вы же знаете, что на языке отдела кадров эта ранняя отставка означает «нам пришлось от него избавиться».

Л.Ф.: [Пауза] К сожалению, на данный момент я больше ничего не могу вам сказать. Мне нужно переговорить с директором и получить его разрешение на отправку вам документов. Предупреждаю, что директор сейчас в Китае и быстро с ним связаться не получится.

К.Г.: Что ж, тогда приступайте, не стану больше мешать.

*** * ***

Би-би-си Мидлендс Сегодняшние новости

Понедельник, 1 мая 2017 года | Последнее обновление в 14.52

Девушка и ребенок из оксфордского подвала: полиция публикует официальное заявление

Полиция долины Темзы сделала краткое заявление по поводу девушки и маленького мальчика, найденных сегодня утром в подвале дома по Фрэмpton-роуд в Оксфорде. Пострадавших отправили в больницу имени Джона Рэдклиффа, где ими занимаются врачи и социальные работники.

Личность молодой женщины пока не разглашают; тот факт, что мальчик приходится ей сыном, тоже еще не подтвержден. Свидетели с места происшествия сообщают, что девушка была в сознании, когда ее увозили парамедики.

По словам соседей, дом, о котором идет речь, принадлежит некому Уильяму Харперу, живущему в нем уже двадцать лет. Утром мистер Харпер уехал в сопровождении офицеров полиции, его состояние описывают как «встревоженное».

* * *

На верхних этажах дома номер 33 по Фрэмpton-роуд все шторы задернуты. В воздухе столбом стоит пыль, углы в паутине. Ковер на лестнице проеден, и криминалист Нина Мукерджи старается не наступить на россыпь круглых катышков. Она заглядывает в хозяйскую спальню: на кровати лишь голый матрас с огромным заплесневелым пятном в центре. На стене справа – пустой стеклянный шкафчик-витрина; туалетный столик завален помадами, духами и салфетками с отпечатками красных губ. Крем в открытой баночке засох до состояния цемента.

К Нине подходит коллега.

– Черт, прямо как на «Марии Селесте»⁷, – говорит он.

– Или как мисс Хэвишем из «Больших надежд»⁸. У меня от этого фильма мурашки по коже.

– Так когда умерла его вторая жена?

– В две тысячи десятом. Попала в аварию.

Второй криминалист осматривается, идет к прикроватному столику и проводит рукой в перчатке по поверхности с толстым слоем пыли.

– Готов поспорить, старик давно сюда не заходил.

– Так бывает, когда теряешь близких. Моя бабушка долго отказывалась выкидывать вещи покойного деда. Считала, что даже спустя годы после его смерти это было бы кощунством.

Коллега поднимает фоторамку, лежавшую лицом вниз, и показывает Нине.

– Внизу тоже есть ее снимки. Привлекательная женщина. Не мой типаж, но привлекательная.

Присцилла Харпер смотрит прямо в камеру, изогнув бровь и держа руку на бедре. Она выглядит уверенной и невозмутимой.

И тратить на нее явно приходилось немало.

⁷ «Мария Селеста» – корабль, покинутый экипажем по невыясненной причине и найденный 4 декабря 1872 г. в 400 милях от Гибралтара.

⁸ Мисс Хэвишем – главная героиня романа Ч. Диккенса «Большие надежды» и его многочисленных экранизаций и театральных постановок.

Нина открывает шкаф и достает несколько вещей: вечернее платье ярко-красного цвета с глубоким вырезом, кашемировое пальто, отороченное мехом, бледно-зеленая блузка с гофрированным воротником.

– Это настоящий шелк. У нее были дорогие запросы.

– Загнать бы на «И-бэй», если б не дырки от моли.

– Спасибо за совет, Клайв. – Нина морщится и возвращает одежду в шкаф. – Управление всерьез приказало все это упаковать? Мы же проторчим тут целую неделю.

– Кажется, больше всего Фаули интересовался порнушкой, так что, если под кроватью нет плеток и других садомазохистских штучек, можем закругляться с этим этажом. Я еще проверю наверху, хотя, по-моему, там пусто. Только каркас металлической кровати и стопка старых номеров «Дейли телеграф».

Нина открывает ящик прикроватной тумбочки – раздается стук пластиковых флакончиков из-под таблеток.

– Ого, ну и запасы, – говорит Клайв. Нина складывает их в пакет для улик: в основном снотворное, на всех этикетках написано имя Присциллы Харпер.

– Внизу нашлось что-нибудь? – спрашивает Нина.

– Кроме похабных журнальчиков? В столе полно писем и старых счетов. Не знаю, какой от них толк, но на всякий случай тоже возьмем. Из подвала уже почти все унесли.

Нина вздрагивает.

– У меня перед глазами стоят эти кровавые царапины на штукатурке. Бедняга, наверное, помутилась рассудком, раз дошла до такого... Страшно подумать.

– Мне кажется, она их слышала.

– В смысле?

– Представь, – с мрачным видом говорит Клайв, – по соседству лет тридцать жила старая бабка, и тут вдруг пару недель назад появляются рабочие. За стенкой она впервые услышала людей. Хотела добраться до них.

* * *

Время 15.15. Учитывая проблемы с допросом Харпера, я решил отложить это дело до тех пор, пока мы не поговорим с девушкой – правда, она все еще накачана успокоительными. Вытянуть что-нибудь из мальчика мы даже не надеемся. Криминалисты получают предварительные результаты лишь через несколько часов. Все это значит, что меня достает суперинтендант, в пресс-службе царит хаос, а в отделе полно заряженных тревожной энергией людей, которым нечем заняться. Гислингхэм пробует отыскать коллег Харпера по университету и доставщиков еды из супермаркета, Бакстер смотрит списки пропавших без вести – вдруг хоть кто-то подойдет под описание пострадавшей. Он – настоящий энтузиаст своего дела, любит копаться в компьютере, однако час спустя, когда я заглядываю к Бакстеру, то вижу, что он устало хмурит брови.

– Ничего не нашел?

– Ни хрена. У нас нет имени, мы не знаем, откуда она и сколько времени провела в этом подвале. Неизвестно даже, заявлял ли кто-нибудь о ее пропаже. Можно месяц копаться, и всё без толку. Даже через программу распознавания лиц нельзя найти человека, если его нет в базе.

* * *

Отправлено: Пн 01/05/2017 в 15.45

От: AnnieGHargreavesMontreal@hotmail.com

Кому: D. Ross@SocialServices.ox.gov.uk

Тема: Билл

Спасибо за письмо. Как раз сейчас читаю новости, а фотографии с Фрэмpton-роуд показывают даже по канадскому телевидению. Сравнивают его с тем ненормальным из Австрии, который долгие годы держал в подвале свою дочь. Разве Билл мог сделать что-то подобное? Да, он всегда был человеком радикальным, но только не жестоким. Присциллу я не знала, однако, как я понимаю, после нее Билл с другими женщинами не встречался. А если и встречался, то мне не рассказывал. Психолог, наверное, сказал бы, что я чересчур наивна и такие люди умеют скрывать свою сущность. Неужели это никак не проявляется? Извини за сумбурные размышления, тут еще раннее утро и я никак не могу поверить в услышанное. Прямо как те люди, у которых журналисты берут интервью о каком-нибудь маньяке, а они лишь бестолково повторяют: «Он казался таким спокойным парнем...» В общем, дай мне знать, если понадобится помощь.

* * *

Сомер стоит на углу Чиннор-плейс. Отсюда видно, как криминалисты выносят коробки из дома номер 33 по Фрэмpton-роуд и загружают все в фургон. На другой стороне улицы припаркованы два микроавтобуса телевизионщиков. Сомер третий раз звонит в звонок. Похоже, в этом доме никого нет, хотя, судя по количеству велосипедов, мусорных баков и общему состоянию жилья, здесь обитают студенты. Таких общаг почти не осталось. Тридцать лет назад никому не были нужны дома монструозных размеров, которые трудно содержать, вот большинство из них и разделили на жилые комнаты либо по дешевке продали университетским кафедрам. Теперь все иначе. Сейчас эти строения вновь превращаются в семейные дома, какими их и задумывали викторианские архитекторы. Места в них хватает даже для домашнего персонала, живущего вместе с хозяевами. Марк Секстон – лишь один из последователей современного тренда.

Сомер звонит в последний раз и уже собирается уходить, когда дверь наконец-то открывают. Рыжий парень лет двадцати, зевая, потирает шею. Наверное, только что проснулся. Коридор заставлен пустыми бутылками, изнутри идет запах несвежего пива. Глянув на Сомер, юноша делает притворно испуганный вид.

– Вот черт.

Она улыбается:

– Констебль Эрика Сомер, полиция долины Темзы.

Парень шумно сглатывает.

– Старые пердуны опять жаловались на шум? Ну серьезно, мы ведь не так уж громко...

– Дело не в этом, мистер...

– Дэнни. Дэнни Абрахамс.

– Хорошо, Дэнни. Я хотела спросить про дом на соседней улице. Дом номер тридцать три, там живет мистер Харпер. Ты его знаешь?

Дэнни почесывает шею. Кожа покрасневшая, много прыщей.

– Это который псих?

– Так ты его знаешь?

Парень качает головой:

– Да он просто ходит тут и разговаривает сам с собой. Однажды принес нам упаковку пива. Вроде ничего такой.

Сомер достает мобильный и показывает ему фотографию найденной девушки.

– А ее когда-нибудь видел?

Дэнни всматривается в экран.

– Понятия не имею, кто это.

– Твои соседи дома?

– Не в курсе. Вряд ли. Выпускные экзамены, знаете ли... Все, наверное, в библиотеке.

Сомер убирает телефон и дает парню визитку.

– Если у кого-нибудь из них есть информация о мистере Харпере, пусть позвонят по этому номеру.

– Что он натворил-то? Светил хозяйством перед местными бабками?

– С чего ты взял?

Дэнни краснеет.

– Да я просто...

– Передай друзьям мои слова, ладно?

Сомер разворачивается и уходит, оставив парня недоумевать, что вообще происходит. Его неведение длится всего минуты полторы.

– Черт. – Дэнни просматривает ленту новостей на мобильном. – Черт, черт, черт...

* * *

ОТДЕЛ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Схема-набросок места преступления

Адрес: Фрэмpton-роуд, д. 33, Оксфорд

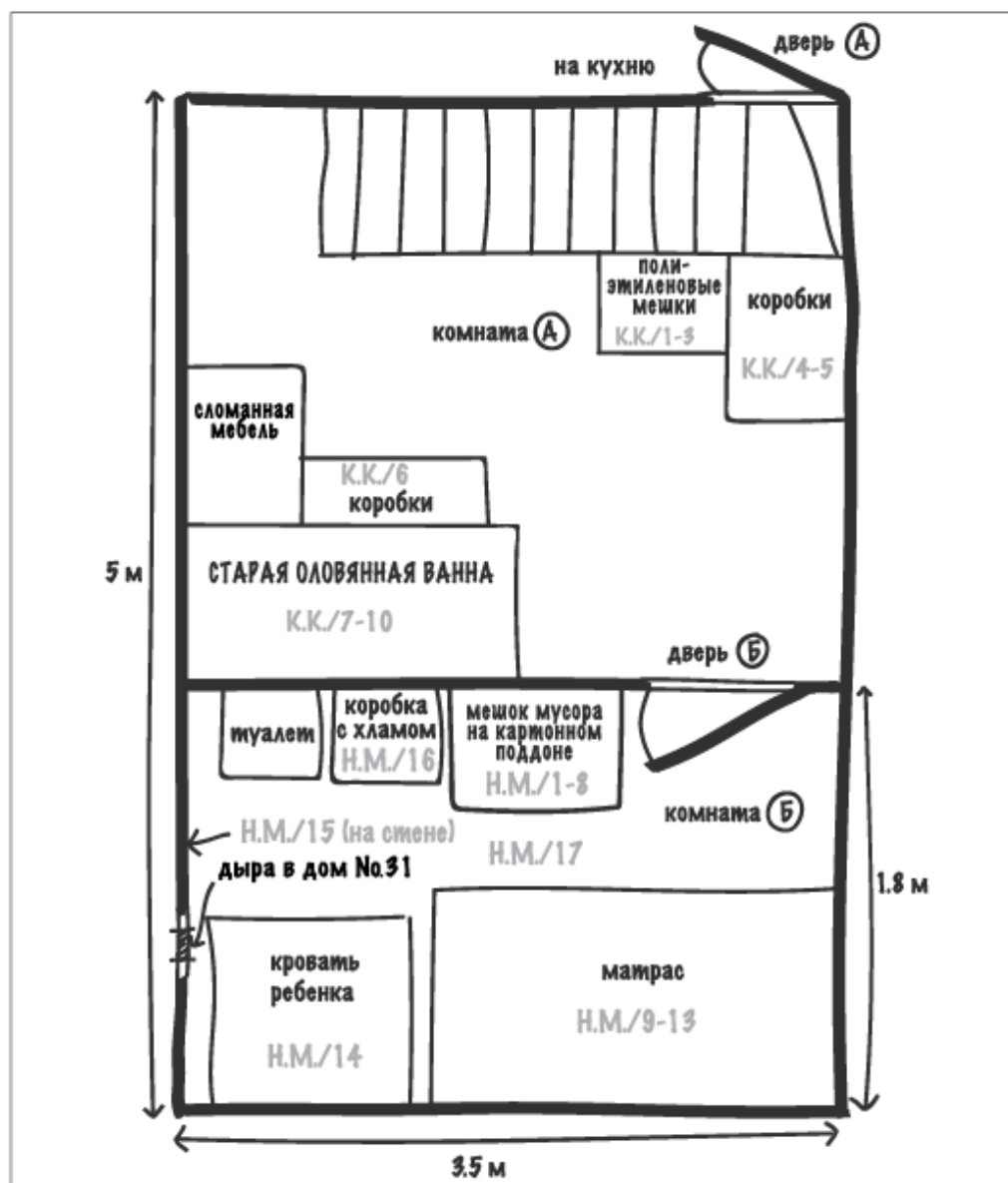
Номер дела: КЕ2308/17J

БЕЗ СОБЛЮЖДЕНИЯ МАСШТАБА

Криминалисты: Алан Чаллоу, Нина Мукерджи, Клайв Киминг

Дата: 1 мая 2017 года

Время: 10:00

Подписано: ОМП №1808, Дж.Дж. Гэтинс

Дата: 1 мая 2017 г.

Страница 1 из 2

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО (по завершении)

ОТДЕЛ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Схема-набросок места преступления

Адрес: Фрэмpton-роуд, д. 33, Оксфорд

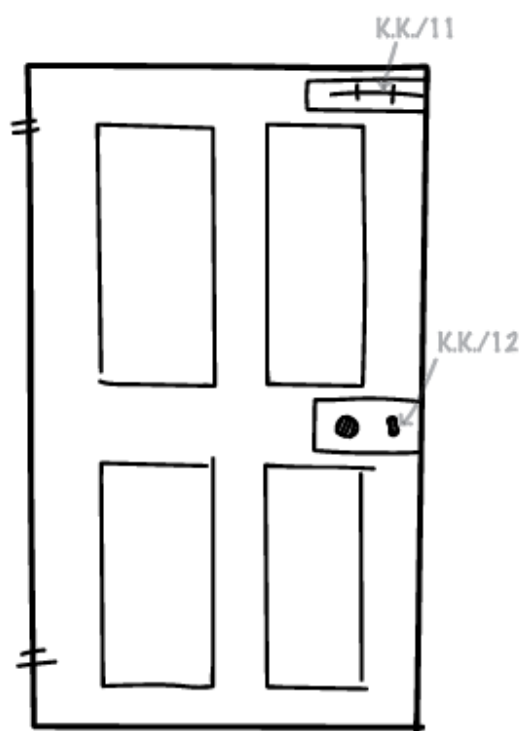
Номер дела: КЕ2308/17J

БЕЗ СОБЛЮДЕНИЯ МАСШТАБА

Криминалисты: Алан Чаллоу, Нина Мукерджи, Клайв Кининг

Дата: 1 мая 2017 года

Время: 10:00

Подписано: ОМП №1808, Дж.Дж. Гэтинс

Дата: 1 мая 2017 г.

Страница 2 из 2

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО (по завершении)

РАСШИФРОВКА УЛИК

К.К./1–3 – несколько пустых упаковок из полиэтиленовых мешков рядом с лестницей в подвале (комната А), взяты для получения более качественных отпечатков с помощью химической обработки.

К.К./4–5 – частичные отпечатки с клейкой ленты, которой была запечатана коробка рядом с лестницей в подвале (комната А).

К.К./6 – отпечатки с глянцевого клапана картонной коробки в подвале (комната А).

К.К./7–10 – отпечатки с наружной поверхности предметов из старой оловянной ванны в подвале (комната А).

К.К./11 – частичный отпечаток с засова на двери Б в подвале (наружная сторона, вид из комнаты А).

К.К./12 – частичные отпечатки со связки ключей в замке двери Б в подвале (наружная сторона, вид из комнаты А).

Н.М./1–5 – несколько пустых упаковок, коробок и контейнеров из-под еды из мешка мусора в подвале (комната Б), взяты для получения более качественных отпечатков с помощью химической обработки.

Н.М./6–8 – отпечатки с пустых пластиковых контейнеров из мешка мусора в подвале (комната Б).

Н.М./9 – темная наволочка с белыми пятнами (предварительный тест на слюну – положительный), взята с матраса в подвале (комната Б).

Н.М./10 – серая простынь с многочисленными белыми пятнами (предварительный тест на слюну и сперму – положительный), взята с матраса в подвале (комната Б).

Н.М./11 – белое одеяло с красными пятнами (предварительный тест на кровь – положительный), взята с матраса в подвале (комната Б).

Н.М./12–13 – женское нижнее белье с белыми пятнами (предварительный тест на сперму – положительный), взято с матраса в подвале (комната Б).

Н.М./14 – постельное белье с небольшим красным пятном (предварительный тест на кровь – положительный), взято с кровати ребенка в подвале (комната Б).

Н.М./15 – влажные и сухие мазки красных разводов (предварительный тест на кровь – положительный), взято с общей стены в подвале (комната Б).

Н.М./16 – коробка с разнообразными предметами, включая несколько старых книг, взята в подвале (комната Б).

Н.М./17 – фонарик с севшими батарейками, взят в подвале (комната Б).

* * *

Констебль Бакстер находит меня в столовой, где я покупаю сэндвич.

– Кажется, что-то есть, – слегка запыхавшись, говорит он. Жена советует Бакстеру ходить по лестнице – хоть какая-то физическая активность.

– По девушке?

– Нет, по Харперу. Пока я копался в списках пропавших без вести, решил пробить Харпера по нашей системе.

– И что?

– Никаких нарушений. Даже скорость не превышал. Может, конечно, медленно ездил вдоль тротуаров, пытаясь подцепить кого-нибудь, но за этим делом его никто не поймал. Однако полицию дважды вызывали в его дом на Фрэмpton-роуд, в две тысячи втором и две тысячи четвертом. Обвинения не были выдвинуты, а по записям, довольно обрывочным, можно понять, что речь идет о бытовом насилии.

– Кто выезжал на вызов?

– Джим Николлс, оба раза.

– Попробуй найти его. Если память мне не изменяет, Николлс вышел на пенсию и уехал в Девон. В отделе кадров должен быть новый адрес. Свяжись с ним, пусть он мне позвонит.

* * *

Блин, чувак, ты видел новости? Этот тип с соседней улицы, он просто чертов псих. Запер какую-то девчонку в своем подвале... Ко мне только что приходила полиция. Не знаю, сказать ли им.

Ни хрена не говори! Проблем не оберемся. Помалкивай, ладно? Девчонку узнал?

Не-а, первый раз видел.

Ну вот и заткнись на хрен, понял?

* * *

– Билл Харпер? Вот так привет из прошлого...

Рассел Тодд – уже четвертый бывший коллега Харпера, которому звонит Гислингхэм. Первые два умерли, у третьего проблемы с памятью, а вот Тодд не просто в добром здравии, но еще и очень разговорчив.

– Значит, вы его помните? – спрашивает Гислингхэм, стараясь не радоваться раньше времени.

– Конечно. Когда-то мы тесно общались, хотя это было давно. А в чем дело?

– Что вы можете о нем рассказать?

На том конце трубки слышится долгий выдох.

– Ну-у-у, – говорит Тодд, – работник из него был не первоклассный. В академическом смысле. При этом сам-то он ставил себя выше всех и считал, что оказаться в Бирмингеме для

него унизительно. Жена его родом отсюда, наверное, поэтому они тут и обосновались. И все же Харпер был хорош. Знал свое дело. Он даже опубликовал статью, которая наделала много...

– Что-то там про ролевые игры?

– А, так вы в курсе? Между нами говоря, работа Билла просто оказалась в нужном месте в нужное время. Ничего оригинального в плане рассуждений, однако он исследовал эту тему в применении к интернет-играм – или как они там называются. Дело было в девяносто седьмом, Сеть только начинала развиваться, так что его публикация стала настоящим прорывом.

В тоне говорящего слышится все больше язвительности, и Гислингхэм понимает, что Тодд завидует коллеге. Ох уж эти ученые, вечно готовы всадить нож в спину другому... «А тебя-то кто-нибудь считал первоклассным?» – мысленно думает он про своего собеседника.

– В общем, – продолжает Тодд, – после тридцати лет преодоления крутых академических склонов Билла вдруг начинают обхаживать люди из Стэнфорда и Массачусетского технологического. Если верить слухам, его даже звали в Гарвард.

– И что случилось?

Тодд издает не очень приятный смешок. Гислингхэма он уже раздражает.

– Прямо шекспировская трагедия. Герой взбирается на пьедестал – и вдруг теряет все. Дом уже был выставлен на продажу, чемоданы собраны, и тут – на тебе. Все коту под хвост. Хотя, учитывая обстоятельства, точнее бы упомянуть метафору другой части тела.

– Я догадываюсь какой, – отзывается Гислингхэм.

– Да, боюсь, змея Билла сунулась не в ту норку. Дело, конечно, замяли, но американцев к тому времени и след простыл. Женатый мужчина связывается со студентками – щепетильные янки такого не потерпят.

– С тех пор вы не общались?

– Не особо. Слышал, его жена умерла. Вроде рак груди. Не знаю, нашел ли он другую работу, или, может, ему и не требовалось ее искать. Супруга-то была при деньгах.

– И подобный случай – единственный? Или Харпер не раз приставал к студенткам?

– Нет-нет, это как раз было очень на него не похоже. Ирония заключалась в том, что если администрация хотела наказать кого-то в пример другим, в кампусе имелись куда более заядлые бабники – как среди преподавателей, так и среди студентов. Не то что сейчас – соскочили штаны, и на тебя уже подают в суд.

О да, старые, добрые времена, когда можно было домогаться в любое время суток... «Урод», – беззвучно произносит Гислингхэм.

– Раз уж на то пошло, – добавляет Тодд, – он был человеком очень строгих правил, если вы меня понимаете. Вот уж никогда не подумаешь.

– И правда, – говорит Крис сквозь зубы. – Не подумаешь.

* * *

Американский журнал социальных и когнитивных наук

Том 12, выпуск № 3, осень 1998 года

Подземелья и девицы в беде: ролевые игры во Всемирной сети

Интернет

Уильям М. Харпер, доктор философии,
Университет Бирмингема

Аннотация

В статье рассматриваются потенциальные возможности многопользовательских ролевых игр (RPG) в электронной сети связи, известной под названием «Всемирная паутина». Доступ к этой технологии пока есть не у всех желающих, но она может позволить нескольким игрокам, находящимся в разных географических зонах и часовых поясах, взаимодействовать в реальном времени посредством компьютерных терминалов. Статья исследует когнитивные и психосоциальные последствия «удаленной игры», включая влияние анонимных компьютерных «лиц» на доверие между игроками и на процесс принятия решений. Автор также изучает возможные последствия длительного воздействия жестокого виртуального мира, в том числе проблемы с сопереживанием, рост межличностной агрессии и иллюзорное ощущение личного всемогущества.

* * *

В начале пятого Эверетт стоит рядом с медсестрой и смотрит на мальчика через стеклянную перегородку. Жалюзи опущены, ребенок в детском манеже – рассматривает игрушки. Кубики, самолет, красно-зеленый поезд. То и дело он, протянув ручонку, трогает какую-то из них. Темные волосы по-девчачьи висят длинными кудряшками. В комнате есть еще и женщина, она устроилась на стуле в дальнем углу.

– Так никого и не подпускает?

Медсестра качает головой. Судя по бейджу на форме, ее зовут Дженни Кингсли.

– Бедняжка... Врач осмотрел его, мы взяли кое-какие анализы, однако стараемся сильно его не напрягать. Особенно после того, как отреагировала мама.

Сестра Кингсли видит немой вопрос в глазах Эверетт.

– Мы немного привели мальчика в порядок и отнесли к матери, а та, едва завидев его, принялась кричать. Прямо-таки *орать* во все горло. Мальчишка весь напрягся и тоже зашелся криком. Мать получила дозу успокоительного, а его вернули сюда. От подобного стресса им обоим сейчас было бы только хуже.

– Он ничего не говорил?

– Нет. Мы сомневаемся, что он вообще *умеет* говорить. Учитывая, в каких обстоятельствах находился ребенок и что он перенес, неудивительно, что его развитие заторможено.

Эверетт опять смотрит на мальчика, и на мгновение они ловят взгляд друг друга. Глаза у него темные, на щеках легкий румянец. Затем мальчик отворачивается и, прижавшись к стенке манежа, закрывает лицо рукой.

– Он все время так делает, – сообщает медсестра. – Может, никак не привыкнет к свету, хотя за долгое время в темноте зрение, вероятно, нарушилось... На всякий случай мы решили опустить жалюзи.

– Так хочется обнять его и избавить от страданий, – говорит Эверетт, наблюдая за малышом.

– Точно, – вздыхает Дженни Кингсли. – Прямо сердце разрывается.

* * *

Первое совещание по делу начинается в пять вечера. Когда я захожу в оперативный штаб, команда почти в сборе, а Куинн прикрепляет к доске те немногие материалы, которые у нас имеются: снимки дома и девушки, карта города. Обычно этим занимается Гис. Видимо, Гарет хочет показать, что от него тоже есть толк.

– Итак, – начинает он, – Эверетт все еще в больнице, но когда ее пустят поговорить с девушкой, пока неизвестно.

– Будем отталкиваться от предположения, что это ребенок Харпера? – спрашивает один из констеблей с задних рядов.

– Да, – отвечает Куинн. – Такова рабочая гипотеза.

– Может, провести анализ ДНК? Тогда получим доказательство того, что он изнасиловал девушку.

– Все не так просто, – вступаю я в разговор. – Девушка не в состоянии дать разрешение, однако я привлек к делу соцслужбы, а криминалисты тем временем проверяют постельное белье из подвала. Если повезет, у нас будет все необходимое.

Я киваю Куинну.

– Отлично. Обход домов на Фрэмpton-роуд ничего не дал, – продолжает тот. – Все знают Харпера как ненормального, но при этом никто не считает его опасным. Одна соседка утверждает, что у Харпера есть сын по имени Джон, хотя нам известно, что это не так. Либо старушка ошибается...

– Еще одна сумасшедшая, – бормочет кто-то. Слышится смех.

– ...либо Джон и *вправду* существует, и он часто навещал Харпера, не являясь при этом его сыном. Надо узнать, кто это, даже если человек не причастен. И не забывайте: возможно, этот «Джон» понятия не имел о том, что происходит в подвале старика. Не стоит делать скоропалительных выводов.

– Как ты с тем соцработником?

Мне не видно говорящего, и на этот раз никто не смеется. Куинн смотрит себе под ноги. Наступает неловкая пауза, но я не собираюсь его вытаскивать. На помощь приходит Гислингхэм. Похоже, эти двое все же уладили разногласия. После назначения Куинна сержантом между ними разразилась настоящая война, однако, став отцом, Гислингхэм смягчился. Или же он просто вымотан. Я его понимаю.

– Я говорил с коллегой Харпера по Бирмингемскому университету. В девяностых старик закрутил с одной студенткой, однако ничего извращенного в той истории не было. Из отдела кадров обещали прислать полное досье – может, узнаем больше. Кстати, в те годы Харпер написал статью про ролевые игры в Интернете и их влияние на людей: мол, игроки начинали считать жестокость приемлемой, так как она виртуальная. Статья называется «Подземелья и девицы в беде» – жуть, правда?

– А что насчет разносчиков из супермаркета? С ними кто-нибудь говорил?

– Да, – отзывается констебль с заднего ряда. – Они тоже ничего толкового сказать не могут. Просто разгружают пакеты в прихожей. Видимо, Харпер не очень-то разговорчив.

– Исходя из всего этого, следующая задача – расширить территорию обхода, – делает вывод Куинн. – Может, кто-то узнает девушку или расскажет нам об этом Джоне.

Он отходит назад и, показывая на карту, начинает рассказывать, какие улицы будут охвачены в обходе. Я его не слушаю. Смотрю на доску – и наконец понимаю то, что должен был понять с самого начала. Встаю и подхожу к карте. Все замолкают.

– Напомни еще раз, в каком доме по Фрэмpton-роуд живет Харпер?

– В тридцать третьем, – немного хмурясь, отвечает Куинн. – А что?

Я отмечаю дом на карте и провожу от него линию к юго-востоку.

– Так я и думал.

– О чем вы? – не понимает Куинн.

– Дом Харпера прямо позади Кресент-сквер. Позади дома номер восемьдесят один по Кресент-сквер, если точнее.

Я смотрю на собравшихся. Некоторые даже не догадываются, о чем речь. Ну что ж, они тогда с нами не работали. А вот до Гислингхэма, как я вижу, дошло.

– Пойдите-ка, – говорит он. – Не там ли жила Ханна Гардинер?
Теперь все вспомнили. Это имя создает эффект разорвавшейся бомбы, и коллеги начинают сыпать вопросами.

– Та пропавшая женщина, которую так и не нашли?

– Когда это было? Два года назад?

– Черт, думаете, есть связь?

– Совпадение? – тихо добавляет Куинн, направляя на меня вопросительный взгляд.

Я опять смотрю на карту, на снимок девушки и вспоминаю, как к такой же вот доске была прикреплена фотография Ханны Гардинер. Месяцами мы смотрели на нее, но в итоге убрали фото. Она была ненамного старше найденной сегодня девушки.

– Я не верю в совпадения, – отвечаю я.

* * *

Канал: Первый мистический

Передача: Громкие нераскрытые преступления

Выпуск: Исчезновение Ханны Гардинер

Премьера на ТВ: 9 декабря 2016 года

Панорама горизонта Оксфорда, рассвет, лето

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

С тех пор как на экраны вышел детективный телесериал «Инспектор Морс», зрители по всему миру считают задумчивый Оксфорд с его остроконечными башенками идеальным местом для идеального убийства. Однако мрачные сказки о том, что происходит в университетских дворах, имеют мало общего с реальной жизнью в этом процветающем городе, где уровень преступности очень низок, а нераскрытых убийств почти не бывает.

Летом 2015 года все изменилось. Полиция города столкнулась с загадкой не менее поразительной, чем та, что решал инспектор Морс. Это таинственное дело стало одним из самых печально известных нераскрытых преступлений Британии.

Общий план Кресент-сквер: велосипеды вдоль улицы, кошка перебегает дорогу, мама с мальчиком едут на скутере

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Здесь, в полном зелени Северном Оксфорде, и начинается наша история. Осенью 2013 года двадцатипятилетняя Ханна Гардинер и ее муж Роб сняли квартиру в этом зажиточном пригороде и переехали сюда вместе с маленьким сыном Тоби.

Семейный снимок Гардинеров, медленный наезд крупным планом; видеореконструкция: мальчик играет с мячом в саду

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Ханна работала журналистом в Лондоне, когда познакомилась с Робом. Ему предложили должность в местной биотехнологической компании,

и молодая семья перебралась в Оксфорд. Они поселились в квартире на первом этаже, очень солнечной и с выходом в общий садик, где мог играть Тоби.

Интервью: съемки в помещении

БЕТ ДАЙЕР, ПОДРУГА ХАННЫ

Ханна с нетерпением ждала переезда в Оксфорд. Она была так счастлива... Все складывалось просто замечательно, и к тому же она устроилась на работу в Би-и-си. Мы ездили к ней в гости, чтобы отметить эти радостные перемены.

Отрывок из телерепортажа для местных новостей Би-би-си, Ханна говорит на камеру

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Вскоре Ханна зарекомендовала себя отличным журналистом, выпуская сюжеты по самым противоречивым событиям в городе.

Интервью: офис Би-би-си в Оксфорде

ЧАРЛИ КЕЙТС, ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, БИ-БИ-СИ ОКСФОРД

Ханна не раздумывая бралась за сложные темы. Сделала несколько репортажей про бездомных, а также освещала почтовую лотерею, в которой разыгрывалось лечение от бесплодия – серия этих сюжетов даже вышла на национальный уровень. Ханна страстно отдавалась работе и посвятила себя журналистике из лучших побуждений.

Кадр: офисы компании-застройщика «Эм-Ди-Джей»

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

В начале 2015 года, когда местный застройщик Малкольм Джервис выдвинул предложение о строительстве нового жилого массива в нескольких милях от города, Ханна взялась за труднейшее задание в ее карьере.

Съемка с движения: лагерь протестующих, транспаранты, люди выкрикивают слоганы

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

С мощными протестами против задумки Джервиса выступили как жители Оксфорда, так и защитники окружающей среды, которые разбили лагерь у предполагаемого места строительства.

Панорамный обзор полей до самых холмов Уиттенхэм-Клампис; красивые кадры с быстро плывущими облаками и тенями

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Многих волновал тот факт, что новый микрорайон будет построен среди нетронутой природы всего в нескольких сотнях ярдов от Уиттенхэм-Клампис, исторически важного места.

Кадр: пещера на Касл-Хилл

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

С холмов открывается вид на бескрайние земли Оксфордшира, имеющие богатое историческое прошлое. На Касл-Хилл была обнаружена крепость железного века, а рядом с вершиной есть пещера, которая уже многие века известна под названием «Денежная яма».

Переход: в кадре ворон на фоне луны и ночного неба

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

По легенде, здесь зарыты сокровища, и охраняет их призрачный ворон.

Крупный план: кукушка на дереве

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Неподалеку расположена рощица «Гнездо кукушки». Говорят, если поймать кукушку среди этих деревьев, лето никогда не кончится.

[крик кукушки]

Раскопки, кадры с воздуха

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Весной 2015 года на холме Касл-Хилл снова начались археологические раскопки, и в начале июня Ханна первой сообщила новость о страшном открытии.

Отрывок из телерепортажа Би-би-си Оксфорд, снятого в районе Уиттенхэм-Клампис

ХАННА ГАРДИНЕР

Мне сообщили, что в неглубоко зарытой могиле вон за теми деревьями найдены скелеты трех женщин. Они лежали лицом вниз, черепа выглядят разбитыми, а руки, судя по расположению костей, были связаны. Предположительно тела можно отнести к железному веку, около 50 года н. э. Археологи пока отказываются от комментариев по поводу смысла такого странного захоронения, однако, по мнению знатоков языческих ритуалов, оно может относиться к так называемой «Триединой богине», которую часто изображают в виде трех сестер. Найденные кости животных и нескольких птиц, возможно, также имеют важное значение. Ханна Гардинер, новости Би-би-си Оксфорд.

Кадр: скелеты в яме

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Не прошло и двух дней, как находка обросла пугающими историями о том, что на самом деле найденных женщин принесли в жертву. Это лишь накалило и так жаркую обстановку перед фестивалем середины лета⁹.

Видеореконструкция: календарь на кухне, 24 июня обведено в кружок

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Для семьи Гардинер 24 июня 2015 года начиналось, как и любой другой день. Роб встал заблаговременно, чтобы успеть на встречу в Рединге, Ханна тоже выехала из дома рано утром.

Видеореконструкция: «Ханна» садится в оранжевый «Мини Клабмен», пристегивает маленького мальчика в детском автокресле. На ней темно-синяя стеганая куртка; каштановые волосы завязаны в хвост

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Всю неделю перед этим Ханна брала интервью в лагере протестующих, а теперь сумела уговорить Малкольма Джервиса приехать на место будущей стройки, чтобы снять там их беседу. Приходящая няня заболела, поэтому Ханне пришлось взять Тоби с собой. Она села в машину в 7.30 утра. Роб уехал в Оксфорд на пятнадцать минут раньше, чтобы успеть на поезд до Рединга.

Видеореконструкция: взволнованный «Роб» ходит туда-сюда, прижимая телефон к уху

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

В 11.15, во время перерыва, Роб набрал номер Ханны, но супруга не ответила. Только приехав домой ближе к вечеру, он понял – что-то случилось. Оператор Ханны оставил сообщение на автоответчике, спрашивая, почему она не явилась на съемки. Роб снова позвонил жене – та по-прежнему не отзывалась, – и тогда он обратился в полицию. В тот момент Роб не знал, что малыша Тоби уже нашли. Одного.

Видеореконструкция: детская коляска и игрушка в кустах

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Турист заметил пустую коляску в «Денежной яме» еще в 9.30 утра, однако Тоби обнаружили только через час. Напуганный, он прятался среди кустов, прижимая к себе плюшевую птичку.

Отрывок из телерепортажа Би-би-си: автомобиль «Мини» у холмов, толпа полицейских, ограждающая лента

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Организованы поиски, но Ханну так и не находят. У полиции нет никаких зацепок.

⁹ Прежде по календарю летнее солнцестояние выпадало на 24 июня; в Англии, Уэльсе и Ирландии этот день до сих пор отмечают народными гуляниями.

Интервью: съемки в помещении

СУПЕРИНТЕНДАНТ АЛАСТЕР ОСБОРН, ПОЛИЦИЯ ДОЛИНЫ
ТЕМЗЫ

Ни в машине, ни в коляске криминалисты не обнаружили никаких улик, которые могли бы пролить свет на то, что случилось с Ханной. Мы опрашивали людей в Уиттенхэме, и некоторые из них сказали, что видели Ханну и Тоби тем утром, однако приблизиться к разгадке это не помогло.

Видеореконструкция: крупный план компьютерных экранов и файлов

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Роба Гардинера быстро исключили из подозреваемых, и полиция стала искать тех, кто мог желать Ханне зла. Судя по материалам на ее ноутбуке, она планировала разоблачить сомнительные финансовые операции компании-застройщика «Эм-Ди-Джей». Полицейские допросили Малкольма Джервиса, однако его алиби было неопровержимым. В то утро он задержался и приехал в Уиттенхэм лишь в 9.45.

Видеореконструкция: лента новостей в «Твиттере»

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Тем временем в социальных сетях стали появляться домыслы о том, что Ханну убили во время некоего сатанинского ритуала, связанного с холмами. Полиция выпустила несколько опровержений, так как ничто не указывало на оккультные мотивы. И все же слухи разрастались.

Отрывок из телерепортажа Би-би-си: лагерь протестующих, палатки, прикованные к деревьям люди, собаки среди куч мусора, бегающие голышом дети

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

В накалившейся атмосфере все, конечно же, обратили внимание на лагерь, тем более что число протестующих увеличилось за счет последователей движения «Нью-эйдж»¹⁰, прибывших в город, чтобы отметить канун середины лета.

Как оказалось, исчезновение Ханны действительно было связано с лагерем, только не так, как предполагали блогеры и активные пользователи «Твиттера».

Интервью: съемки в помещении

СУПЕРИНТЕНДАНТ АЛАСТЕР ОСБОРН, ПОЛИЦИЯ ДОЛИНЫ
ТЕМЗЫ

¹⁰ «Нью-эйдж» – общее название совокупности различных мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического характера.

Через три месяца после исчезновения Ханны в Уорике арестовали мужчину по имени Реджинальд Шор. Его обвиняли в попытке изнасилования. Обыскав его дом, полиция обнаружила браслет, идентичный тому, который носила Ханна.

Анализ ДНК показал, что украшение на самом деле принадлежало Ханне, а Шор в перекрестном допросе признался, что летом бывал в Уиттенхэме. Впоследствии свидетели подтвердили, что видели, как он говорил с Ханной, когда та приезжала в лагерь в конце мая.

Кадр: найденный браслет

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Шор утверждал, что нашел браслет в лагере протестующих и не знал, чей он. Служба уголовного преследования рассмотрела улику, однако в отсутствие тела сочла ее недостаточной для того, чтобы вынести обвинение на суд присяжных.

Фотография задержанного Реджинальда Шора

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

В итоге Шор получил три года за попытку изнасилования. Родные обвиняемого утверждали, что только из-за широкой огласки в связи с исчезновением Ханны Гардинер для Шора было избрано такое суровое наказание.

Как стало известно, Шор отсидел меньше года. В 2016 году его выпустили из соображений сострадания: у мужчины обнаружился рак легких в последней стадии.

Ханну Гардинер так и не нашли.

Узнаем ли мы, что произошло здесь на самом деле?

Раскроют ли холмы свой секрет?

Мрачные кадры Уиттенхэм-Клампис в лунном свете.

Стоп-кадр и

Конец.

* * *

– А теперь расскажите нам то, о чем не прознали в прессе, – просит Куинн.

Я ставлю DVD-плеер на паузу и говорю, обращаясь ко всей команде:

– Мы предполагали, что Тоби каким-то образом выбрался из коляски и уполз в кусты. Поэтому его так долго искали. Еще у мальчика была травма головы – то ли от удара, то ли от падения. Об этом журналистам не сообщалось.

Повисает тишина. Полицейские представляют себе, каково это, а мне и представлять не надо – я был там, когда нашли мальчика. До сих пор помню его крики.

– И он ничего вам не сказал? – интересуется один из констеблей. – Не помнил, что случилось?

Я качаю головой.

– Ему и трех лет еще не исполнилось, к тому же мальчик повредил голову. Его лепет звучал совершенно бессмысленно.

– То есть мы понятия не имеем, как он оказался в той яме?

– Вероятно, личный ассистент Джервис сообщил Ханне об опоздании босса, и она пошла прогуляться с сыном.

И я когда-то гулял с Джейком, когда он был маленьким. Если парень не мог уговорить или вскакивал от ночного кошмара, я сажал его в коляску и вез по пустым улицам. Движение его успокаивало. Только Джейк, я и бродячие кошки, мягко ступающие по земле...

Я выбрасываю это воспоминание из головы.

– Она точно получила сообщение? – Вопрос Куинна попал прямо в точку.

– Мы знаем, что его отправили, – отвечает Гислингхэм, – но телефон Ханны так и не нашли, поэтому неизвестно, прочитала ли она сообщение. – Крис вздыхает. – Честно говоря, это был настоящий кошмар. Сбежались все чудилы: ясновидящие, медиумы – в общем, полный набор. Про одну старушечку даже написали в «Оксфорд мейл» – она утверждала, что на браслете изображен какой-то языческий символ, что-то вроде трехконечной звезды. Всё триндела про цифру три – мол, это ключ ко всему делу, вот увидите...

Глянув на снимок дома, Гислингхэм замолкает.

– Черт! Номер тридцать три, ну конечно...

– Мы кое-что еще не рассказали прессе, – продолжаю я. – Семейная жизнь Гардинеров была не такой идеальной, как показано в передаче.

– Точно, – подтверждает Крис. – Им докучала бывшая Роба, считавшая Ханну разлучницей. Писала о ней всякие гадости в «Фейсбуке».

– Что насчет алиби? – спрашивает Куинн.

– У бывшей? В тот день она ездила в Манчестер. Повезло, иначе мы занялись бы ей вплотную, – говорю я.

– Из всей передачи очень выделяются слова Бет Дайер, – задумчиво добавляет Гис. – Кажется, она явно намекала, что у Роба интрижка на стороне.

– Все верно, только доказательств она не привела, сказала только «странно выглядел, будто что-то скрывал».

Никаких подозрительных звонков, ничего такого мы не нашли. Алиби Роба оказалось прочным: в 7.57 он уехал на поезде из Оксфорда, а в 6.50 Ханна оставляла голосовое сообщение няне, то есть еще была жива. Звонила она по городскому телефону с Кресент-сквер. Роб не успел бы убить жену, доехать на машине до Уиттенхэма, бросить там тело и вернуться в Оксфорд, чтобы сесть на поезд.

– Даже если Роб или его бывшая хотели избавиться от Ханны, – говорит Куинн, – то как же ребенок?

– Точно к такому же выводу пришел и Осборн. Успей Роб Гардинер все проверить, вряд ли он бросил бы там своего сына.

– Поэтому все указывало на Шора? – спрашивает Куинн.

Наступает пауза. Все смотрят на меня – ждут, что я скажу: «Мы старались изо всех сил, но Служба уголовного преследования отвергла дело». Ждут от меня уверенности в том, что мы поймали того самого убийцу.

Однако я молчу.

– Значит, вы и тогда сомневались, – прерывает тишину сержант.

На экране застыл кадр холмов Клампис: черные птицы на фоне светлого неба.

– Мы опросили всех протестующих, которые находились в то время в лагере. Никто не упоминал о Шоре, пока его имя не всплыло в связи с нападением в Уорике несколько месяцев спустя.

– Это не доказывает его отсутствие.

– Но и присутствие Шора в Уоттенхэме мы доказать не смогли. Он утверждал, что в тот день был далеко от холмов, однако свидетелей, способных подтвердить его слова, нет. Тем летом Шор точно бывал в лагере, а найденный в его доме браслет определенно принадлежит Ханне...

– И все же вы не уверены, что это он, – завершает мое предложение Куинн.

– Дело вел Осборн, и он не сомневался в виновности Шора.

Все замолкают. Эл Осборн уже на пенсии, хотя когда-то был легендой долины Темзы. Отличный коп и вообще приятный человек – а это сочетание, поверьте мне, встречается не так уж часто. Он многим в этом отделении помог серьезно продвинуться по службе – и мне в том числе. Несмотря на то что Шор так и не получил свое за Ханну Гардинер, по молчаливому согласию дело считалось закрытым. Если открыть его снова, поднимется шум.

Я делаю глубокий вдох.

– Слушайте, буду с вами честен. Да, я и вправду сомневался насчет Шора. Он не смахивал на убийцу и тем более на преступника, который тщательно все продумывает. Я не утверждаю, что все было заранее спланировано, – Ханна вполне могла стать случайной жертвой. Однако следы замели очень тщательно. Никаких улик, никаких следов ДНК, ничего. Поверить не могу, что Шор все это устроил. Парень он не шибко умный, поэтому и попался в Уорике. Я все время думал, что мы упустили какую-то деталь или зацепку. Но мы так ничего и не нашли.

– До сегодняшнего дня, – тихо добавляет Гислингхэм.

– Точно, – соглашаюсь я, снова глядя на экран. – Версию о том, что Ханна вообще не покидала Оксфорд, что с ней что-то случилось именно здесь, мы даже не рассматривали.

– Тогда как, черт возьми...

– Как, черт возьми, Тоби попал в Уиттенхэм-Клампы?

– Да, – говорит Куинн. – Я предупрежу пресс-службу. Если мы нашли связь с делом Гардинер, писаки тоже скоро на него выйдут. Мы должны опередить их, ребята.

– Слишком поздно. Они уже в курсе, – мрачно сообщает Гислингхэм, поглядывая на свой мобильный.

* * *

Молодая женщина открывает окно и вдыхает теплый воздух. Ползущая по стене жимолость уже зацвела. На кухне мальчик пьет чай и шепчет что-то своему плюшевому медведю. Доносится приглушенный звук вечерних новостей. Где-то вдалеке мужчина оживленно говорит по телефону.

– Пиппа! – зовет мальчик. – Смотри! По телевизору показывают тот дом с кучей велосипедов на улице!

Женщина заходит на кухню, подобрав по дороге брошенную игрушку-панду, и садится за стол рядом с мальчиком. На экране телевизора репортер стоит перед оградительной лентой и показывает на место преступления позади него. В кадр попадают несколько полицейских машин с мигалками и «Скорая». Строка внизу экрана гласит: «ЭКСТРЕННЫЕ НОВОСТИ: дело Ханны Гардинер может быть связано с девушкой, найденной в подвале оксфордского дома». Нет, только не это. Только не сейчас, когда все наконец стало налаживаться... Она обнимает мальчика, вдыхая искусственно-сладкий аромат шампуня, исходящий от его волос.

– Покажем папе? – спрашивает мальчишка, вырываясь из объятий. На виске у него темно-розовый шрам.

– Нет, Тоби, – с тревожным видом отвечает женщина. – Пока не надо. Мы же не хотим его беспокоить. У него сейчас все хорошо.

* * *

«Оксфорд мейл»

1 мая 2017 года

ДЕЛО ФРИТЦЛЯ ПОВТОРЯЕТСЯ В ОКСФОРДЕ: ПОЧЕМУ ЗДЕСЬ?

Автор Марк Левертон

Жители Северного Оксфорда до сих пор пребывают в шоке после сообщения о том, что в подвале дома на Фрэмpton-роуд были найдены молодая женщина и ребенок. Пока неизвестно, как долго девушка находилась в заточении, однако проводятся параллели с печально известным «делом Фритцля», австрийца, который двадцать четыре года удерживал в подвале свою дочь и неоднократно насиловал ее, в результате чего та родила от него семерых детей. Элизабет Фритцль обнаружили, когда одна из ее дочерей серьезно заболела. Йозеф Фритцль соорудил для Элизабет целую подземную тюрьму, куда можно было попасть, преодолев восемь запертых дверей. Пока не сообщается, имелась ли похожая конструкция на Фрэмpton-роуд. Озабоченных соседей волнует вопрос: почему никто ничего не заметил?

– Это ужасно, – говорит Салли Браун, мать троих детей, живущая поблизости, – что люди совершают такие вещи. И как так вышло, что ни у кого даже не возникло подозрений? К нему ведь приходил соцработник, неужели он ничего не знал?

Другие местные жители также ставят под сомнение компетентность социальной службы, что вновь возвращает нас к делу Фритцля: регулярно посещая австрийца, соцработники не нашли в нем ничего подозрительного, несмотря на то, что трое детей его дочери жили с ним и были, по его словам, «подброшены на порог».

Дом на Фрэмpton-роуд принадлежит одинокому старику по имени Уильям Харпер. Никто из опрошенных нами не поддерживал с ним связь, хотя сообщается, что соседи видели, как сегодня утром его увезли полицейские.

Ни полиция долины Темзы, ни местное отделение социальной службы пока не сделали официальных заявлений. По предварительным данным, девушка и ребенок находятся под присмотром врачей в больнице имени Джона Рэдклиффа.

Если вы живете на Фрэмpton-роуд и обладаете какой-либо информацией по поводу случившегося, пишите нам на электронную почту или в «Твиттер».

154 комментария

VinegarJim1955

Урезали бюджет на социальное обслуживание – вот вам и результат.

RickeyMooney

Не удивлен, что никто ничего не заметил. Людям тут вообще насрать друг на друга.

MistySong

Просто кошмар. Поверить не могу, что это произошло в таком тихом местечке. Студенткам явно опасно жить тут одним.

VinegarJim1955

Но она ведь не студентка? Иначе ее давно стали бы искать, да и в газетах написали бы о пропаже. Жуть, аж тошно.

Fateregretful77

Я когда-то был соцработником и знаю, с каким давлением они сейчас сталкиваются. Времени в обрез, едва успеваешь побыть со своими подопечными. С полицией долины Темзы я тоже пересекался и могу сказать, что со своим делом ребята справляются отлично. Проверьте факты, прежде чем обвинять других.

* * *

Утро вторника, 8.45. Дверь открывает молодая женщина в белой рубашке и хлопковой юбке. Всем своим видом она источает свежесть и бодрость, отчего рядом с ней я вдруг чувствую себя каким-то потрепанным и неопрятным. В последнее время такое случается все чаще.

– Да?

– Я инспектор Адам Фаули, а это констебль Крис Гислингхэм, мы из полиции долины Темзы. Мистер Гардинер дома?

Догадка сразу отражается на ее лице.

– О боже... Это из-за Ханны, да? – Женщина прикрывает рот рукой. – Я так и подумала, вчера ведь о ней говорили в новостях...

Мы с Гислингхэмом переглядываемся.

– А вы, простите?..

– Пиппа. Пиппа Уокер. Присматриваю за ребенком. В общем, няня.

Теперь я ее вспомнил. Знакомое имя, хотя во время работы над делом Ханны мы не виделись.

– Вы же давно у них работаете и знали Ханну, верно?

Глаза Пиппы наполняются слезами, она кивает.

– Она была так добра ко мне... Не заболел я в тот день, Ханна не взяла бы с собой Тоби, и тогда все сложилось бы иначе. Никак не могу выбросить эту мысль из головы.

– Можно войти?

– Да, простите. Сюда.

Пиппа ведет нас по коридору к гостиной. Солнечные лучи проникают внутрь сквозь высокие окна, выходящие на площадь. Через окна с другой стороны виден сад. Светло-желтые стены. Черно-белые постеры в рамках. Повсюду игрушки: плюшевые медведи, машинки, железная дорога. На каминной полке фотографии: вот Ханна с сыном, вот Роб и рядом с ним Тоби на трехколесном велосипеде, вот они всей семьей на пляже. Полные тепла и счастья.

– Извините за беспорядок, – говорит Пиппа, рассеянно подбирая игрушки. – Роб у себя в кабинете. Сейчас позову его.

Когда она выходит из комнаты, я смотрю во двор: из окна виднеется тыльная сторона Фрэмpton-роуд, в том числе крыша сарая Уильяма Харпера. Большие черные птицы, поклевывая какую-то падаль, шумят в высокой траве, а с дерева за ними наблюдают четыре кроважидные сороки. В детстве я редко встречал больше одной за раз, теперь же эти гребанные пернатые попадают на каждом углу.

– Черт! – Гислингхэм убирает с кресла игрушечного котенка и садится. – Так вот что меня ждет?

Он ухмыляется, однако тут же принимает серьезный вид – вдруг его слова прозвучали бестактно? Такое происходит со всеми. Никто не знает, как общаться с родителями погибшего ребенка. Вроде бы это должно помочь мне справляться с подобными ситуациями, только пока что ничего не выходит.

– Вы нашли ее?

В дверном проеме стоит Роб Гардинер. Вид у него бледный, да и вообще он изменился. Раньше его темно-русые волосы были коротко подстрижены по бокам, теперь же он отрастил их и завязывает в хвост; густая борода скрывает шею. Видимо, компьютерщикам такое сходит с рук. Будь здесь моя жена, она бы скривилась.

– Мистер Гардинер? Я инспектор Адам Фаули...

– Да, я знаю. Вы были здесь тогда вместе с Осборном.

– Давайте присядем.

– Раз полицейский предлагает присесть, значит, вести плохие.

Гардинер заходит в гостиную, и я показываю ему на стул. Он нехотя садится на самый краешек.

– Так вы нашли ее?

– Нет, вашу жену мы не нашли.

– Но у вас появилась зацепка? В новостях рассказывали про этого Фритцля и про девушку в подвале...

Пиппа присоединяется к нам и кладет руку на плечо Гардинеру, хотя тот даже не обращает внимания на ее жест. Спустя пару секунд он слегка поводит плечом, и девушка убирает ладонь.

Нет смысла ходить вокруг да около.

– Да, мы рассматриваем возможную связь с домом на Фрэмpton-роуд.

Гардинер встает и подходит к окну.

– Господи, да этот чертов дом даже *видно* отсюда. – Он резко поворачивается ко мне: – Почему вы не нашли его еще в пятнадцатом году, когда она исчезла? Разве вы его не допрашивали?

– На тот момент у нас не было никаких оснований для допроса. Все указывало на то, что ваша супруга пропала в Уиттенхэме: там мы нашли Тоби, а в ее машине не обнаружилось никаких отпечатков или следов ДНК другого человека.

– А как же люди, которые заявляли, что видели ее? Они что, всё придумали? Просто наслаждались вниманием? Такие ведь бывают.

Я качаю головой:

– Не в этом случае. Я лично беседовал с несколькими свидетелями.

Гардинер меряет шагами комнату, запустив руку в волосы. Потом вдруг замирает и снова обращается ко мне:

– Но этот засранец, которого вы арестовали... Вы уверены, что это он похитил Ханну?

– Расследование еще ведется. Жаль, что пока нечего вам сообщить, но, надеюсь, вы меня поймете. Мы должны быть уверены, а сейчас никакой уверенности у нас нет. Поэтому мы пришли сюда. Ваша жена когда-нибудь упоминала человека по имени Уильям Харпер?

– Так его зовут, да?

– Она знала кого-то на Фрэмpton-роуд?

Гардинер делает глубокий вдох.

– Насколько мне известно, нет.

– Могла ли Ханна встречаться с ним по работе? Например, чтобы взять интервью для новостей?

Роб принимает озадаченный вид.

– Я проверю ее ноутбук, хотя имени Харпера вроде бы не слышал.

Два года назад мы сами изучили этот ноутбук вдоль и поперек: просмотрели каждый чертов файл, изучили все письма в электронной, мать ее, почте. Будь там ниточка, ведущая к Харперу, мы обязательно нашли бы ее и раскрыли, учитывая близость их домов... Что ж, в любом случае стоит проверить.

– Послушайте, – добавляет Гардинер, – Ханна могла оказаться на Фрэмpton-роуд лишь по одной причине – если ей надо было припарковаться. У нас здесь все забито, а там у каждого дома подъездная дорожка, так что улица посвободнее.

Вот и ответ. Вот та деталь, которую мы упустили.

– Она точно парковалась в тот день на Фрэмpton-роуд?

Не хочется обнадеживаться раньше времени, но, судя по выражению лица Гислингхэма, мы думаем об одном и том же.

Гардинер отвечает не сразу:

– Знаю лишь, что с вечера машина стояла не у нашего дома. Мне пришлось спуститься и помочь Ханне донести покупки. А вот где именно она оставила автомобиль, я не в курсе.

Я собираюсь встать, однако Роб еще не закончил.

– То есть этот *извращенец* похищает женщин *вместе* с детьми? – Я вижу, что Пиппа смотрит на него с тревогой. – Да? Вот на чем он повернут? Если верить новостям, в подвале нашли мальчика. Совсем маленького, как мой Тоби.

– Честно говоря, мистер Гардинер, мы не уверены. Возможно, ребенок родился уже в доме. Пока девушка находится в состоянии шока, допрашивать ее нельзя. Мы еще не знаем, что именно там произошло.

Роб нервно сглатывает и отводит взгляд.

– Ваш сын жив, – тихо продолжаю я. – Жив и здоров. Вот что самое главное.

Перед уходом Гислингхэм просит показать ему, где туалет, и девушка уводит его дальше по коридору. Мы с Гардинером молча стоим у двери, не в силах подобрать слова.

– Вы занимались и другим похожим делом, так ведь? – наконец говорит Гардинер. – В прошлом году, когда пропала девочка. Дейзи, как ее там...

– Да.

– И кончилось все плохо.

Хорошо, что это звучит не как вопрос, а как утверждение.

– У вас тоже есть ребенок, если я правильно помню?

От необходимости отвечать меня спасает возвращение Гислингхэма, подтягивающего брюки.

– Идем, босс.

– Мы обязательно будем держать вас в курсе, – сообщаю я напоследок Гардинеру. – И прошу, дайте мне знать, если наткнетесь в компьютере Ханны хоть на какое-то упоминание Харпера. Конечно, как только мы обнаружим...

– Я хочу увидеть ее, – выпаливает Роб. – Если вы найдете Ханну, я хочу ее увидеть.

Лучше б он этого не говорил. Господи, только не это...

Я качаю головой:

– Вам не стоит...

– Я хочу увидеть ее, – дрожащим голосом повторяет Гардинер. – Она ведь была моей женой. – Он едва сдерживается, чтобы не заплакать в моем присутствии.

– Серьезно, не надо, – говорю я, подходя ближе. – Ханна хотела бы, чтобы ее помнили живой, как на ваших чудесных семейных фотографиях.

Роб внимательно смотрит на меня, а я мысленно пытаюсь убедить его: «Не смотри на то, что потом не сможешь выкинуть из головы. Уж я-то знаю. Я видел и теперь не в силах забыть».

Он сглатывает и кивает. На лице девушки написано облегчение.

* * *

– Как думаете, он ее трахает? – спрашивает Гислингхэм, пристегиваясь ремнем в машине. Я завожу двигатель.

– Ты даже не знаешь, живет ли она здесь.

В любом случае прошло два года, и бедняга заслужил возможность двигаться дальше. Я понимаю, как трудно это бывает – отделиться от прошлого, не забыв его, и при этом не чувствовать себя виноватым при каждой улыбке.

– Думаю, если еще не трахает, то скоро начнет, – продолжает Гис. – Она-то явно не против, как я вижу. Сам бы не отказался, залезь такая в мою кровать.

– Ты же вроде счастлив в браке? – удивляюсь я, включая передачу.

Гислингхэм отвечает мне ухмылкой:

– Смотреть-то не запрещается.

* * *

Мы возвращаемся в участок Сент-Олдейт. Бакстер притащил в оперативный штаб чистую белую доску и аккуратно выписывает события того дня из досье по делу Ханны.

6.50 Ханна оставляет няне голосовое сообщение.

7.20 Роб выезжает из дома на велосипеде.

7.30 (?) Ханна выезжает из дома.

7.55 Ассистент Джервиса отправляет сообщение Ханне: интервью переносится на 9.30.

7.57 Поезд Роба отходит с вокзала Оксфорда.

8.35 Звонит соседка няни и говорит, что та заболела (оставляет сообщение).

8.45–9.15 Ханну и коляску видели в Уиттенхэме.

8.46 Роб на вокзале в Рединге (камера наблюдения).

9.30 Свидетель замечает пустую коляску в «Денежной яме».

10.30 Найден Тоби Гардинер.

Закончив, Бакстер отходит и надевает колпачок на маркер.

– Итак, – обращается он к команде, – если предположительно Ханна так и не добралась до Уиттенхэма, что это нам дает?

– Чертовски большой знак вопроса рядом с промежутком времени, когда ее якобы там видели, – иронично отвечает Куинн.

По дороге с Кресент-сквер я как раз об этом и думал. Нашлось так много свидетелей, все они хотели помочь, но ошибались. Все до одного.

– Там была целая толпа, – говорит Бакстер, просматривая показания. – Родители, дети, собаки... Издалека кого-нибудь перепутали с Ханной. Вблизи ее никто не видел, одежда без запоминающихся деталей.

– Тогда почему эта похожая на Ханну женщина так и не нашлась? – спрашивает Куинн. – Газеты и Интернет несколько недель пестрили обращениями к возможным свидетелям. Раз она находилась в Уиттенхэме в тот день и выглядела примерно как пострадавшая, на ее месте стоило бы обратиться в полицию.

Сомнения сержанта не убедили Бакстера.

– Может, просто туристка или даже иностранка. Не хотела лишних проблем.

– Лично меня больше всего интересует собака, которая не лаяла, – вставляю я.

Эрика Сомер улыбается, до остальных доходит не сразу.

– А, как в Шерлоке Холмсе? – высказывает догадку Эверетт.

Я киваю.

– Перепутать какую-нибудь молодую женщину с Ханной очень легко. А вот Уильям Харпер – это и правда огромный знак вопроса. Если он похитил Ханну на Фрэмpton-роуд и бросил ее автомобиль и сына в Уиттенхэме, неужели никто не заметил бы одинокого старика с коляской?

Бакстер листает материалы в папке.

– Один свидетель упоминает, что видел дедушек и бабушек с внуками, поэтому Харпер не выделялся бы из толпы. Правда, мы спрашивали людей только о Ханне, а не о ком-то другом.

– Вот именно, так что давайте свяжемся со свидетелями и узнаем, видел ли кто-нибудь человека, похожего на Харпера, – предлагаю я.

Кивнув, Куинн делает пометку в блокноте.

– Хорошо. Мы установили, что Гардинер не успел бы смотаться в Уиттенхэм и обратно, если в шесть пятьдесят Ханна еще была жива. А что насчет Харпера? Ему хватило бы времени?

– Учитывая, что Ханна вышла из дома в семь тридцать, – отвечает на мой вопрос Эверетт, – с Харпером она должна была встретиться не позднее семи сорока пяти. Возможно, он под каким-то предлогом заманил женщину к себе, а затем ударил сзади по голове. Ханна теряет сознание, остается лишь связать ее и бросить в доме. Это недолго. Харпер мог отправиться в Уиттенхэм в восемь пятнадцать и быть там около восьми сорока пяти. Да, он успел бы.

– Старик тогда еще водил? – спрашивает Бакстер, не упуская никаких деталей.

– По словам соцработника, да.

– А как бы он вернулся в Оксфорд без машины?

– На автобусе. – Гислингхэм пожимает плечами. – Куда ему спешить? Родных у него нет, никто не пристанет с вопросом, где он пропадал. И впереди куча времени, чтобы избавиться от тела.

– После того как он с ней разделался, – мрачно добавляет Эверетт.

– Харпер вполне мог держать ее у себя живой.

– Все равно есть нестыковка, верно, сэр? – вступает в беседу Сомер. – В машине Ханны не обнаружено следов посторонней ДНК. Конечно, он *мог* доехать до Уиттенхэма и стереть все следы, но это не так уж просто.

Эрика хорошо подготовилась. Ей явно светит место в Управлении уголовных расследований.

– Может, надел защитный комбинезон? – предполагает Гислингхэм. – Вроде пленки, которой накрывают сиденья в автосервисе.

– Позвони Чаллоу и скажи, что надо обыскать дом на Фрэмpton-роуд, – говорю я Куинну. – Пусть ищут тело и одежду, подходящую для заметания следов.

* * *

Когда все начинают выходить из кабинета, я ловлю взгляд Бакстера.

– Я хочу, чтобы ты просмотрел нераскрытые дела о пропаже молодых женщин и маленьких детей за последние десять лет.

Он ясно представил себе объем работы, но промолчал. Поэтому Бакстер мне и нравится – знает, когда нужно держать язык за зубами.

– Начни с Оксфорда и Бирмингема, расширив поиск по пятьдесят миль. Потом возьми десять лет до этого.

Бакстер кивает.

– Среди детей искать *и* мальчиков, *и* девочек или только мальчиков?

Я уже направился к коридору, однако его вопрос меня остановил.

– Пока только мальчиков.

* * *

Спустя полчаса я захожу в кафе на Крытом рынке и сажусь напротив Брайана Гау, по которому сразу видно, что он в курсе сегодняшних новостей. Вокруг снуют толпы людей, покупатели заглядывают в кофейный магазинчик, роются во всяких вещичках в лавке по соседству. Надписи на винтажных открытках гласят: «Копай ради победы», «Гиннесс вам полезен», «Будь спокоен и двигайся дальше». Тыфу ты, бесит...

– А я все думал, когда же вы позвоните, – говорит Гау, складывая газету. – Повезло, что застали меня, – завтра еду на конференцию в Абердин.

Если и есть собирательное существительное для множества криминалистов-психологов, то это слово «сложность».

Он отодвигает тарелку. Гау никогда не откажется от плотного английского завтрака, особенно если я плачу.

– Как я понимаю, вы хотите поговорить об этом Харпере?

Официантка с грохотом ставит перед нами две чашки, расплескивая кофе на блюдца.

– Тяжелый случай, – продолжает Гау, добавляя в напиток сахар. – Выдвинуть обвинения при наличии болезни Альцгеймера – дело нелегкое. Хотя вы и без меня это знаете.

– Я пришел не за этим. Когда мы обнаружили девушку, ситуация казалась довольно простой...

Гау вопросительно поднимает бровь, затем снова помешивает кофе.

– То есть мы думали, что его мотивы ясны. И сначала предположили, что ребенок родился в подвале, как у того австрийца, Йозефа Фритцля.

– С Фритцлем все иначе – по крайней мере, в психологическом плане, – ведь он держал в подвале собственную дочь. Ну, полицейские не очень-то обращают внимание на подобные детали. Однако из ваших слов я делаю вывод, что все не так уж просто.

– Муж Ханны спросил, почему Харпер напал именно на нее. Может, он помешан на молодых женщинах с детьми? Только в этот раз почему-то передумал и бросил Тоби. Хотел сбить нас со следа? Если все так, то дело принимает совершенно другой оборот. Мы считали, что ребенок родился от Харпера – а что, если он похитил девушку *вместе* с ее сыном?

– Полагаю, сейчас проводится анализ ДНК?

Я киваю.

– Есть некоторые затруднения, но вообще да, мы работаем над этим.

Гау кладет ложку на стол.

– А вы тем временем желаете узнать, типично ли для сексуальных маньяков похищать женщин с детьми.

Позади Гау, у витрины кондитерской, остановилась семья. Два маленьких светловолосых мальчика прижались носами к стеклу, а мама заставляет их выбрать: шоколадный дракон или апельсиновый Супермен? Или Паровозик Томас? На девятый день рождения Джейка мы зака-

зывали здесь сладости. Ему нравились единороги, вот на торте и красовался этот сказочный зверь с золотым рогом.

– Я таких не встречал.

– Что, простите? – переспрашиваю я. В голове у меня одни единороги.

– Сексуальный маньяк, который нападает и на женщин, и на детей, – это неслыханно. Могу покопаться в материалах судебных дел, хотя навскидку ничего не вспоминается. Даже если женщин похищали вместе с детьми, то лишь по одной причине: ребенок просто оказывался не в то время и не в том месте, а целью была именно *женщина*. При этом педофилы, как вы и сами прекрасно знаете, обычно женаты либо состоят в длительных отношениях. Вот они крадут детей, но не женщин. Так что, – Гау подносит к губам чашку кофе, – остается лишь одно разумное объяснение.

– Какое же?

– Это два разных человека. Два маньяка. Первый – педофил, второй – сексуальный садист. Действуют вместе, разделяя риск и добычу.

Кошмар какой, прямо кровь стынет в жилах... Как бы ужасно ни звучало предположение Гау, наличие сообщника у Харпера отменяет многие вопросы. Это объясняет, почему никто не видел старика с коляской. Возможно, Харпер вообще не ездил в Уиттенхэм, а ребенка там оставил кто-то другой, на кого не обратили внимания. Безымянный человек. Безликий. Незвестный.

Гау делает глоток и отставляет чашку.

– Есть следы присутствия другого человека в доме? Может, кто-то постоянно заходил, но при этом не жил там?

«Дерек Росс», – сразу думаю я, затем отбрасываю эту мысль.

– Пока не нашли. Соседи утверждают, что никого не видели.

– Ну еще бы, в таком-то районе Оксфорда, – кривится Гау. – Это ничего не доказывает.

– Одна старушка уверяла, что к Харперу приходил его сын, однако, как известно, сына у него нет.

– На вашем месте я бы проверил, – говорит Гау, прихлебывая кофе. – Возможно, старикан не так уж съехал с катушек, как вы думаете.

* * *

Чаллоу собирает команду криминалистов на кухне.

– Похоже, список наших задач стал намного длиннее, так что отменяйте запланированные свидания. Управление уголовных расследований с их безграничной мудростью теперь подозревает, что этот дом связан с исчезновением Ханны Гардинер в две тысячи пятнадцатом году. Пока не докажем обратное, он считается местом убийства. Или захоронения. Или и того, и другого.

Нина делает глубокий вдох. Дело Ханны Гардинер ей знакомо – она обыскивала машину пропавшей. Упаковка мятных конфет в бардачке, пятна от сока на детском автокресле, скомканные чеки с заправки. Невыносимые обломки жизни.

– Искать могилу в подвале не стоит, – продолжает Чаллоу. – Там бетонный пол, который не вскрыть без помощи серьезных инструментов. Следов нарушения поверхности нет. Как насчет сада?

– Вряд ли, – говорит Нина. – Просматривается со всех сторон, слишком опасно. Если выкопать большую яму, соседи наверняка заметят.

Она сдвигает штору из бусин и заходит в оранжерею. Стекло изнутри покрылось зеленым налетом, из выживших здесь только ползучее растение, чьи лианы пробиваются сквозь трещины в окнах. На полках горшки с гниющими стеблями: одеревеневшая герань, засохшие

кусты помидоров. Пахнет сыростью и затхлой землей. Циновки на полу черные от плесени и разваливаются на куски.

Нина протирает кружок в грязном стекле, чтобы выглянуть в сад.

– А вон там? – показывает она. – Что-то вроде летнего домика или сарая.

К Нине подходят двое коллег. Снаружи заросли сорняков по колено и полно крапивы. Кучей валяется садовая пластиковая мебель, стулья грязные и перевернуты вверх ножками. Срезанную траву пучками бросали где попало. Прямо у ворот стоит большой кирпичный сарай с черепичной крышей, увитой плющом. Некоторые окна выбиты.

– Понимаете, о чем я?

Ближе к строению картина проясняется. К сараю земля берет крутой уклон, так что тот стоит на возвышении.

– Думаю, под этими досками вполне может оказаться пустота, – говорит Нина, просовывая руку сквозь разбитое окошко, чтобы открыть дверь.

Внутри все заставлено старыми банками из-под краски и средствами от сорняков, на полу ржавеют садовые инструменты. Из-под карниза торчит гниющее осиное гнездо, с гвоздя свисает покрытый пятнами защитный костюм.

Чаллоу топает ногой – слышно глухое эхо.

– Кажется, ты права.

Он приподнимает край циновки: из нее сыплются грязь и песок, в разные стороны ползут мокрицы.

– В кои-то веки, – обращается Чаллоу к своей команде, – нам повезло.

В полу под циновкой скрыт люк.

* * *

– К ней можно зайти, хотя не знаю, будет ли толк.

Эверетт выходит из комнаты ожидания и следует по коридору за медсестрой. По пути встречаются старик с ходунками и два врача с планшетами для бумаги. Плакаты на стенах призывают мыть руки и правильно питаться, а также учат распознавать симптомы инсульта. Палата в самом конце коридора, на койке сидит девушка в больничной рубашке. Выражение «бледная как полотно» приходится кстати, потому что ее лицо лишь немногим темнее простыни, которую она прижимает к груди. Не только кожа, но и глаза и даже волосы выглядят какими-то бесцветными. Словно ее покрыли тонким слоем пыли. Вокруг губ следы герпеса.

Заметив Эверетт, девушка испуганно смотрит на нее и вжимается в подушку.

– Я подожду снаружи, – тихо говорит сестра и закрывает дверь.

– Можно, я сяду? – спрашивает Верити, показывая на стул.

Девушка молчит. Эверетт отодвигает стул подальше от кровати и садится.

– Скажете, как вас зовут? – осторожно обращается она к пострадавшей. Та лишь не сводит с нее глаз.

– Мы знаем, что вы пережили нечто ужасное, и хотим понять, что случилось. Хотим найти того, кто сотворил с вами такое.

Бедняга сильнее сжимает простынь пальцами. Под сломанными ногтями грязь.

– Да, это очень трудно. Я не хочу, чтобы вам стало еще хуже, но нам нужна ваша помощь.

Девушка закрывает глаза.

– Помните, как все было? Как вы попали туда?

Из-под век текут слезы и медленно катятся по щекам.

Какое-то время обе молчат, и тишину нарушает лишь гул из коридора – шаги, голоса, позвякивание каталок. Звук приехавшего лифта.

– Малыш очень милый. Как его зовут? – задает вопрос Эверетт, когда девушка открывает глаза.

В ответ та начинает качать головой, а потом издает испуганный крик и вся съеживается. Прибегают медсестры, и Эверетт оказывается по другую сторону закрытой двери.

* * *

На то, чтобы успокоить девушку, понадобилось двадцать минут и один укол. Из палаты выходит врач и садится на стул рядом с Эверетт.

– Что произошло? – спрашивает она. – Что я сделала не так?

Доктор глубоко вздыхает.

– Психиатр считает, что у нее посттравматическое расстройство. Честно говоря, в этом нет ничего удивительного. Для людей, попавших в такую ситуацию, вполне естественно подавлять воспоминания о случившемся. Мозг включает режим выживания и отсекает болезненные мысли, а вопрос о ребенке заставил ее снова подумать о том, через что она прошла, и бедняжка просто не выдержала. Боюсь, она еще не скоро сможет все рассказать.

– Сколько времени уйдет на восстановление?

– Трудно сказать. Может, пара часов, может, пара недель. А может, она так и не оправится.

Эверетт опускает лицо в ладони.

– Черт, что же я натворила...

– Не корите себя, – по-доброму утешает ее врач. – В ваших намерениях не было ничего плохого.

Он кладет руку ей на плечо, но спустя мгновение уходит, забирая свое теплое прикосновение.

* * *

Пространство под люком всего в полметра глубиной, внизу лишь земля и щебенка. Чаллоу ложится на пол животом вниз и светит фонариком.

– Ага, здесь точно что-то есть... Нина, сможешь пролезть? Мне, боюсь, габариты не позволят.

Чаллоу встает и уступает место Нине, которая спрыгивает вниз и опускается на четвереньки. Он подает ей фонарик, и она скрывается из виду.

– Осторожно, вдруг там крысы, – радостно предупреждает Чаллоу.

«Теперь-то уж что», – кривясь, думает Нина. Она водит фонариком слева направо. Слышится шорох, в темноте блестят маленькие глазки. Фонарик вдруг задевает что-то совсем рядом с ее лицом. Что-то острое, черное и давно мертвое. Тонкие ножки, пустые глазницы, как в костюме привидения на Хеллоуин. Выдохнув, Нина приглядывается и понимает, что это всего лишь птица. Похожая на ворону.

Однако это еще не всё. Свет выхватывает не череп и не высушенные кости, а свернутое одеяло. Остальное – работа воображения. Нина догадывается, что в одеяле.

В горле пересохло – и не только от пыли. Сглотнув, она кричит:

– Что-то есть! Запечатано клейкой лентой, но размер соответствует.

Нина ползет обратно, задевая головой половицы, и выбирается наружу.

– Пожалуй, надо разобрать пол, – говорит она и протирает руки о костюм.

– И обязательно все пометить ярлыками, – добавляет Чаллоу. – Мы должны понять, что здесь было, и везде снять отпечатки.

– Может, лучше вызвать судмедэксперта?

– Он уже едет.

* * *

Марк Секстон звонит юристу из своего офиса в высотке «Кэнери-Уорф». Тринадцатую этажами ниже Темза медлительно направляет воды к морю, а в трех милях к западу отсюда переливается на солнце небоскреб «Шард». Звук телевизора в углу выключен, однако Марку видна бегущая строка и фотографии дома на Фрэмpton-роуд. Не только соседского, но и *его*.

– Как это они, черт возьми, *не знают*? Сколько времени длится гребаная криминалистическая экспертиза?

– Я не спец в этой области, – увиливает юрист, – хотя знаю одного королевского адвоката-уголовника. В смысле, он специализируется на уголовных делах, – смеется он.

Секстон не настроен шутить.

– Просто свяжись еще раз с этими придурками из долины Темзы, ладно? Рабочие пригрозили взять с меня неустойку, если им не разрешат вернуться к работе до конца недели, или вообще найти другого заказчика. А это значит, что они месяца полтора будут не спеша перестраивать чью-нибудь гребаную кухню.

– Не думаю, что это поможет...

– Звони, мать твою! За что я тебе плачу?

Секстон с грохотом кладет трубку и снова смотрит на экран телевизора. В новостях явно рассказывают об исчезновении Ханны Гардинер, а экстрасенс с прилизанными волосами напоминает всему миру, как она уверяла, что разгадка тайны заключается в цифре 3. Затем идет нарезка из заголовков газет двухлетней давности: «Пропавшую на летнем фестивале девушку похитили сатанисты?», «Полиция отрицает связь с языческими ритуалами: в деле возникает все больше вопросов», «Маленький ребенок найден рядом с местом древних жертвоприношений».

«Только этого мне не хватало», – думает Секстон, подперев голову руками.

* * *

– Решили не вскрывать подарок до вашего прихода, – говорит судмедэксперт. – А ведь до дня рождения еще далеко!

Его зовут Колин Бодди – и да, это совсем не смешно. Ладно, смешно, ужасно смешно. Он слышал подобные шуточки столько раз, что научился юморить в своем особенном стиле. Со стороны звучит глуповато, если не знать Колина, однако это всего лишь способ защититься. Только смех позволяет справиться с кошмарами, которые пугают даже среди бела дня в окружении множества профессиональных приборов.

Когда мы шли через сад, все жители высовывались из окон соседних домов, чтобы посмотреть. Наверняка какой-нибудь засранец уже выложил фотку в гребаный «Твиттер».

В полу сарая зияет дыра, а вокруг нее собрались криминалисты, Гислингхэм, Куинн; теперь к ним присоединился и я. Бодди осторожно наклоняется и срезает прогнившее одеяло вместе с клейкой лентой. С одной стороны, затем с другой. Все прекрасно знают, какое зрелище нас ждет, но внутри все равно все сжимается. Слава богу, лежит лицом вниз. На ребрах видны обрывки зеленовато-сиреневой кожи. Скрюченные руки. От голеней остались одни лишь кости.

– Как видите, останки частично мумифицировались, – спокойно рассказывает Бодди. – Что неудивительно, так как тело было плотно завернуто, а под полом имеется вентиляция. Видимо, нижнюю часть одеяла закрепили слабее, поэтому крысы обгрызли стопы и щиколотки. Здесь явные признаки нашествия грызунов.

У Куинна перекосило лицо от отвращения.

– Пол определенно женский, – продолжает Колин. – Большая часть волос также сохранилась. – Он наклоняется и пластиковой ручкой сдвигает в сторону спутанные пряди. – Причиной смерти, судя по всему, стала травма от удара тупым предметом по теменной кости. Точнее смогу сказать после осмотра в лаборатории.

– Она могла выжить после такого удара? – с бледным видом спрашивает Гислингхэм.

– Она точно потеряла бы сознание, – подумав, отвечает Бодди. – Да, сразу могла и не умереть... Смотрите. – Судмедэксперт опять садится на корточки и показывает на что-то в районе усохших запястий. – Полагаю, вы установите, что это кабельная стяжка, а значит, смерть наступила не сразу после удара.

Вспомнились слова Эверетт о том, что Харпер связал жертву и оставил в доме, чтобы съездить в Уиттенхэм, бросить там машину и ребенка. Он хотел видеть ее живой, когда вернется. У Харпера были на нее свои планы.

– Есть возможность определить, как долго она оставалась в живых?

Бодди качает головой.

– Вряд ли. Она могла продержаться несколько часов, а то и дней.

– Господи, – шепчет себе под нос Гислингхэм.

Колин выпрямляется.

– Здесь полно следов разложения, но я уверен, что умерла она не здесь. Не на этом одеяле. Иначе все было бы забрызгано кровью и мозговыми тканями.

Иногда хочется, чтобы Бодди выражался не так прямолинейно.

– Кстати, завернули ее обнаженной. Будь на ней одежда, остались бы какие-нибудь клочки.

К этому моменту бледнеет не только Гислингхэм. Все мы прокручиваем в голове одну и ту же сцену: вот она просыпается со связанными руками, голая, изувеченная. Просыпается, зная, что ее смерть – лишь вопрос времени.

– Зачем убийце раздевать ее? Для сексуального контакта?

– Либо с целью унижить. Результат ужасен в любом случае.

А то мы не поняли.

– Что ж, ребята, – оживленным тоном перебивает Чаллоу, – если вы закончили, то мы приведем фотографа и начнем собирать улики.

* * *

Би-би-си Мидлендс Сегодняшние новости

Вторник, 2 мая 2017 года | Последнее обновление в 15.23

Срочное сообщение

В подвале дома в Оксфорде найдено тело

Би-би-си стало известно, что в том же доме в Северном Оксфорде, где вчера утром были обнаружены девушка и маленький мальчик, сегодня нашли труп. По словам свидетелей, криминалисты выносили из сада человеческие останки, предположительно женские. Появились слухи о том, что, вероятно, полицейские нашли тело 27-летней журналистки Би-би-си Ханны Гардинер, пропавшей два года назад на летнем празднике в Уиттенхэме.

Последним Ханну видел ее муж Роб Гардинер: утром 24 июня 2015 года она покинула их квартиру на Кресент-сквер и направилась в Уиттенхэм-Клампис, чтобы снять репортаж о лагере протеста. Там, как утверждают следователи, Ханна и пропала, ведь ее двухлетний сын Тоби был найден близ лагеря, автомобиль «Мини Клабмен» стоял на парковке неподалеку, а посетители фестиваля видели Ханну.

Одного из протестующих по имени Реджинальд Шор впоследствии арестовали за попытку изнасилования в Уорике и долго допрашивали в связи с исчезновением Ханны, однако обвинения так и не были выдвинуты. Его сын Мэтью сейчас пишет книгу о случившемся и сегодня утром дал следующий комментарий: «Мой отец стал жертвой охоты на ведьм, которую устроила полиция долины Темзы во главе с суперинтендантом Аластером Осборном. Мы намерены снова подать прошение об отмене приговора, а также обратиться в Независимую комиссию по рассмотрению жалоб на действия полиции – пусть разберутся с тем, как велось дело Ханны Гардинер. Ее семья заслуживает знать правду, и я со своей стороны сделаю все возможное, чтобы помочь им в этом».

Полиция долины Темзы отказалась от комментариев, подтвердив при этом, что опубликует официальное заявление «в должное время». Суперинтендант Аластер Осборн ушел на пенсию в декабре 2015 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.